

„Страшная правда, но
вѣдь, правда“
Короленко

С. П. МЕЛЬГУНОВ

„КРАСНЫЙ ТЕРРОР“
В РОССИИ

1918—1923

БЕРЛИН
1924

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр
От автора	IX
I Институт заложников	5
II «Террор навязан» (возстановленіе смерт- ной казни и демагогія большевиков)	19
III Крoвая статистика 1918-1923	35
IV На гражданской войнѣ	79
V «Классовый террор» (Крестьянскія воз- станія, рабочее движеніе, интелли- генція)	90
VI Произвол Чеки (Анонимныя убійства. Истязанія и пытки. Цинизм пала- чей. Тюрмы и ссылка)	106
VII «Краса и гордость» (состав Ч. К.)	179
Вмѣсто послѣсловія	
I К процессу Конради	195
II Почему?	201

ОТ АВТОРА

«Народы подвинутся только тогда, когда сознают всю глубину своего падения».

Эдг. Кинэ.

«Незамѣтно эта вещь вряд ли пройдет, если только у читателей и критики хватит мужества вчитаться (возможно и то: увидят, что тут разстрѣливают, и обойдут стороной)» — так писал Короленко Горнфельду по поводу разсказа Вл. Табурина «Жива душа», напечатаннаго в 1910 г. в «Русском Богатствѣ».

Мнѣ хотѣлось бы, чтобы у того, кто возьмет в руки эту книгу, хватило мужества вчитаться в нее. Я знаю, что моя работа, не отдѣланная литературно, появляется в печати с этой стороны преждевременно. Но, сознавая это, я все же не имѣю в настоящее время сил придать ей надлежащую форму—по крайней мѣрѣ соответствующую важности вопроса, которому она посвящена. Надо имѣть дѣйствительно желѣзные нервы, чтобы спокойно пережить и переработать в самом себѣ весь тот ужас, который выступает на послѣдующих страницах.

Невольно вновь вспоминаешь слова В. Г. Короленко, мимолетно брошенные им по поводу его работы над «Бытовым явлением». Он писал Горнфельду в цитированном выше письме из Алушки (18 апреля): «работал над этим ужасным материалом о «смертниках», который каждый день по нескольку часов отравлял мои нервы». И когда читатель перевернет последнюю страницу моей книги, я думаю, он поймет то гнетущее чувство, которое должен был испытывать автор ее в течение долгих дней, погружаясь в моря крови, насилия и неопикуемых ужасов нашей современности. По сравнению с нашими днями эпоха «Бытового явления» даже не бледная копия...

Закончив скрупулезный, поскольку это представлялось возможным при современном состоянии материала, подбор фактов, в своей совокупности дающих картину какого-то действительно невероятного кошмара, я чувствую органическую необходимость хотя бы временно дать моральное отдохновение своей мысли и чувству. Я просто физически неспособен заняться еще «литературной» обработкой материала. Если вдуматься в описанное ниже, то правда же можно сойти с ума. Одни спокойно взирают, другие спокойно совершают нечто чудовищное, позорнейшее для человечества, претендующего на культурное состояние.

И если я все же выпускаю в свет свою книгу теперь, то потому только, что в данном случае ее внешняя архитектура отступает на задний план перед жизненностью и актуальностью самой темы.

Живя в России, я считал своим долгом публи-

циста и историка собирать материалы о терроре. Я не имел, конечно, возможности проникать в тайники органов, отправляющих так называемое «революционное правосудие». Это сможет сделать историк в будущем и то постольку, поскольку сохранится материал об этой страшной странице современной русской действительности. Здесь, за границей, я мог использовать только самую незначительную часть собранного материала. Правда, за рубежом я мог воспользоваться прессой, недоступной в России. Но все это данные, за полную точность которых ручаться нельзя. Истину можно установить только путем некоторых сопоставлений. Пусть читатель это делает сам, и я думаю, что он получит некоторое моральное облегчение при сознании, что, может быть, не все, что пройдет перед его глазами, будет отвечать строгой исторической достоверности. Иначе правда же не стоит жить. Надо было бы отречься от того проклятого мира, где возможна такая позорная действительность, не возбуждающая чувства негодования и возмущения; надо было бы отречься от культуры, которая может ее молчаливо терпеть без протеста. И пожалейшь, как Герцен: «Незначай сраженный пулей, я унес бы с собой в могилу еще два-три вбродания»...

Историки давали и дают объяснения и даже оправдание террору эпохи французской революции: политики находят объяснение и проклятой современности. Я не хочу давать объяснений явлению, которое, может быть, и должно быть только заклеено со стороны общественной морали и в его прошлом и в его настоящем. Я хочу только восстано-

вить картину и этого прошлого и этого настоящего. Пусть социологи и моралисты ищут объяснений для современной человеческой жестокости в наследии прошлого и в кровавом угарѣ послѣдней европейской войны, в паденіи человеческой морали и в искаженіи идеологических основ человеческой психики и мышления. Пусть психіаторы отнесут все это в область болѣзненных явленій вѣка; пусть припишут это влиянію массоваго психоза.

Я хотѣл бы прежде всего возстановить реальное изображеніе и прошлого и настоящего, которое так искажается и под рѣзцом исторических изслѣдованій и в субъективной оцѣнкѣ современнаго практическаго политика.

Естественно моя работа распадается на три части: историческій обзор, характеристика «краснаго террора» большевиков и так называемаго «террора бѣлаго». Лишь случайное обстоятельство побудило меня выпустить первоначально как бы вторую часть работы, посвященную «красному террору».

Прозвучал выстрѣлъ Конради, и подготовка к лозаннскому процессу заставила меня спѣшно обработать часть матеріала, который мнѣ удалось собрать.

То, что появляется теперь в печати, не может претендовать на характер изслѣдованія. Это только схема будущей работы; это как бы первая попытка сводки, далеко, быть может, неполной, имѣющагося матеріала. Только эту цѣль и преслѣдует моя книга. Может быть, она послужит побужденіем для болѣе широкаго собиранія и опубликованія соотвѣтствующих матеріалов. Выводы сами придут.

Я уже отвѣтил выше на одно возраженіе, которое

может быть мнѣ сдѣлано. Я не могу взять отвѣтственности за каждый факт, мною приводимый. Но я повсюду указывал источник, откуда он заимствован. Пусть тѣ, кто так смѣло в свое время подводили теоретическій фундамент под призыв к насилию и крови, а теперь говорят о «мнимом» террорѣ (см., напр., статьи в «Извѣстіях» по поводу процесса Конради), прежде всего опровергнут эту фактическую сторону. Мнимый террор, который грозят возстановить московскіе власти за оправданіе лозаннских подсудимых!

Я знаю, мнѣ будет сдѣлано и другое возраженіе.

А бѣлый террор? На этом противопоставленіи было построено выступленіе гражданских истцов и свидѣтелей обвиненія на процессѣ Конради. Это главное оружіе в руках известной группы социалистов. Это аргумент и части западно-европейской печати. К сожалѣнію, это противопоставленіе приходится слышать и в рядах болѣе близких единомышленников. Никто иной, как А. В. Пѣнеховъ в своей брошюрѣ «Почему я не эмигрировал?» во имя своего писательскаго безпристрастія счел нужным сопроводить характеристику большевицкаго террора рядом именно таких оговорок. Говоря о правительствѣ ген. Деникина, Пѣнеховъ писал: «Или вы не замѣчаете крови на этой власти? Если у большевиков имѣются чрезвычайки, то у Деникина вѣдь была контр-развѣдка, а по существу — не то же ли самое? О, конечно, большевики побили рекорд и количеством жестокостей на много превзошли деникинцев. Но кое в чем и деникинцы вѣдь перещеголяли большевиков» (стр. 32).

И А. В. Пъшехонов в поясненіе разсказывал об ужасах висѣлицъ в Ростовѣ на Дону. Как убѣдится Пъшехонов из этой книги, он и здѣсь ошибался — «перещеголять» большевиков никто не мог. Но не в этом дѣло. Как ослабляется наш моральный протест этими ненужными в данный момент оговорками! Как бесплоден становится этот протест в аспектѣ историческаго безпристрастія!

Я не избѣгаю характеристики «бѣлаго террора» — ему будет посвящена третья часть моей работы. Я допускаю, что мы можем зарегистрировать здѣсь факты не менѣе ужасные, чѣм тѣ, о которых говорит послѣдующее повѣствованіе, ибо данная исторія нам говорит, что «бѣлый» террор всегда был ужаснѣе «краснаго», другими словами, реставрація несла с собою больше человѣческих жертвъ, чѣм революція. Если признавать большевиков продолжателями революціонной традиціи, то придется признать и измѣненіе этой традиціонной исторической схемы. Нельзя пролить болѣе человѣческой крови, чѣм это сдѣлали большевики; нельзя себѣ представить болѣе циничной формы, чѣм та, в которую облечен большевицкій террор. Эю система, нашедшая своих идеологов; это система планомернаго проведенія в жизнь насилія, это такой открытый апофеоз убійства, как орудія власти, до котораго не доходила еще никогда ни одна власть в мірѣ. Это не эксцессы, которым можно найти в психологій гражданской войны то или иное об'ясненіе.

«Бѣлый» террор явленіе иного порядка — это прежде всего эксцессы на почвѣ разнузданности власти и мести. Гдѣ и когда в актах правитель-

ственной политики и даже в публицистикѣ этого лагеря вы найдете теоретическое обоснованіе террора, как системы власти? Гдѣ и когда звучали голоса с призывом к систематическим официальным убійствам? Гдѣ и когда это было в правительствѣ ген. Деникина, адмирала Колчака или даже барона Врангеля?

Моральный ужас террора, его разлагающее вліяніе на человѣческую психику в концѣ концов не в отдѣльных убійствах, и даже не в количествѣ их, а именно в системѣ. Пусть «казацкіе» и иные атаманы в Сибири, или на Дону, о которых так много говорили обвинители на лозаннском процессѣ и о которых любят говорить всѣ сопоставляющіе красный террор с бѣлым, запечатлѣли свою дѣятельность кровавыми эксцессами часто даже над людьми неповинными. В своих замѣчательных показаніях перед «судом» адм. Колчак свидѣтельствовал, что он был безсилен в борьбѣ с явленіем, получившим наименованіе «атаманщины».

Нѣтъ, слабость власти, эксцессы, даже классовая месть и... апофеоз террора — явленія разных порядков. Вот почему, говоря о «красном террорѣ», со спокойной совѣстью я мог проходить мимо насилій эпохи «бѣлаго террора»¹⁾.

¹⁾ Такую же приблизительно характеристику «краснаго» и «бѣлаго» террора дал в «Рулѣ» и проф. Н. С. Тимашев. Статья его вызвала в «Днях» (27-го ноября) со стороны Е. Д. Кусковой горячую реплику протеста против яко-бы попытки «расцѣпывать людодержество». «Его надо уничтожить. Уничтожить без различія цвѣта» — писала Е. Д. Кускова. Позиція; — единственно возможная для писателя, отстаивающаго позиціи истинной гуманности и

Если наша демократическая печать дѣлает адм. Колчака отвѣтственным за сибирскую реакцію, то кто же отвѣтствен за то, что происходило и происходит нынѣ в Россіи?

Максим Горькій в брошюрѣ «О русском крестьянствѣ» упрощенно отвѣтил: «Жестокость форм революціи и объясняю исключительной жестокостью русскаго народа». Трагедія русской революціи разыгрывается в средѣ «полудикахъ людей». «Когда в «звѣрствѣ» обвиняют вождей революціи — групу наиболѣе активной интеллигенціи — я разсматриваю это обвиненіе, как ложь и клевету, неизбежныя в борьбѣ политических партій или — у людей честных — как добросовѣстное заблужденіе». «Недавній раб» — замѣтил в другом мѣстѣ Горькій — стал «самымъ разнузданнымъ деспотомъ», как только приобрѣл возможность быть владыкой ближняго своего». Итак, русскій писатель, не только сочувствующій русскому коммунизму, но и имѣвшій с

демократизма. Но, мнѣ кажется, почтенный автор принял проф. Тимашеву то, чего послѣдній и не говорил. Разная оцѣнка «людодерства» далеко не равнозначуща признанію лучшими тѣх или иныхъ форм террора. Не то мы называем и терроромъ; террор — система, а не насиліе само по себѣ. Неужели Е. Д. Кускова назоветъ правительство такъ называемаго Комуча, при вѣдѣхъ его политическихъ грѣхахъ, правительствомъ террористическимъ? А между тѣмъ г. Майскій, бывший с.-д. и бывший членъ этого правительства, в свое время в московскихъ «Извѣстіяхъ» привелъ немало фактовъ разстрѣловъ на территоріи, гдѣ правилъ Комитетъ Членовъ Учредительнаго Собранія. Правда, предателямъ не во всемъ приходится вѣрить и особенно такому, который выступилъ со своими изобличеніями в моментъ с.-р. процесса, т. е. в моментъ, когда при большевицкомъ правосудіи прежніе товарищи стояли подъ ножемъ гильотины... Все-таки факты остаются фактами. И однако же это стѣнь далеко отъ того, что мы называемъ «терроромъ».

нимъ болѣе прямая связя, снимаетъ отвѣтственность съ творцовъ террористической системы и переноситъ ее на темноту народную. Споръ нѣтъ, историческая Немезида, о которой такъ любятъ многіе говорить, в томъ и состоитъ, что «надъ Россіей тяготѣетъ проклятіе, налагаемое исторіей на всякую отсталую и развращенную страну» — какъ писали когда-то еще в «Черномъ Переделѣ». Ни в одной странѣ с развитымъ чувствомъ гражданственности не могло быть того, что было в Россіи.

Но Горькій, самъ, очевидно, того не понимая, произноситъ грозный обвинительный актъ противъ демагогіи властвующей нынѣ в Россіи партіи. Едва ли есть надобность защищать русскаго крестьянина, да и русскаго рабочаго отъ клеветы Горькаго: теменъ русскій народъ, жестока, можетъ быть, русская толпа, но не народная психологія, не народная мысль творила теоріи, взлелѣяныя большевицкой идеологіей...

Пытаются доказать, что красный терроръ вызванъ эксцессами бѣлыхъ. Тотъ, кто признаетъ хронологію канвой исторіи и прочтетъ эту книгу, увидитъ, какъ мало правдоподобія и достовѣрности в этомъ утвержденіи. Есть положенія, которыя и не стоитъ опровергать. Но в сущности это интересно только для психолога, который будетъ пытаться понять человѣческія отношенія в эпохи гражданскихъ войнъ. Я избѣгалъ в своей работѣ ставить вопросы теоретическаго характера. Они безбрежны. Мнѣ надо было прежде всего собрать факты.

Можетъ быть, русская общественность именно в этомъ отношеніи исполняетъ свой долгъ не такъ, какъ того требуетъ подлинная дѣйствительность жизни. Не

надо забывать, что только современники могут изобразить для потомства в данном случае правду не ложную.

Блѣлый террор в прошлом; а что будет впереди, нам не суждено знать. Террор красный, под который подведен фундамент идеологической, явление наших еще дней.

И на него человѣческій мір продолжает с удивительным спокойствіем взирать. Почему? Я недавно еще отвѣчал («На чужой сторонѣ» № 3):

«Общественное мнѣніе Европы как бы сознательно отворачивается от этой правды, ибо она в своем голом и неприкрашенном видѣ, становится в слишком непримиримое противорѣчіе с культурными навыками современнаго правового строя и общепризнанной людской моралью»¹⁾.

Я не льщу себя надеждой, что моя книга дойдет до тѣх представителей западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, которые легко подчас высказывают свои сужденія о событіях в Россіи или не зная их, или не желая их понять. Так просто, напр., обвинить зарубежную русскую печать в тенденціозном искаженіи дѣйствительности. Но люди, отвѣтственные за свои слова, не имѣют права перед лицом потомства так упрощенно разрѣшать свои со-

¹⁾ Я не говорю уже о тѣх, кто по своим коммерческим соображеніям примѣняет в этом отношеніи принцип: *do ut des*, недавно столь откровенно провозглашенный Муссолини.

мнѣнія — прошло то время, когда «грубое насильничество московских правителей» в силу полной отрѣзанности от Россіи объясняли, по словам Каутскаго, «буржуазной клеветой».

Примѣром этих выступленій могут служить статьи верховнаго комиссара Лиги Націй по дѣлам русских бѣженцев, обошедшія полгода назад всю европейскую печать. О них мнѣ приходилось писать в «Днях» в своем как бы открытом письмѣ Нансену «Напрасныя слова» (20-го іюля 1923 г.).

Нансен упрекал западно-европейское общественное мнѣніе в нежеланіи понять происходящее в Россіи и совѣтовал не ограничиваться «пустыми слухами». «Все понять — все простить»... И этой старой пословицей д-р Нансен пытался дать объясненіе тому гнету, который царит на нашей несчастной родинѣ. В революціонное время — методы дѣйствія не могут быть столь мягки, как в мирное время. Политическія гоненія были и при старом режимѣ, который тоже представлял собою олигархію. Теперь Немезида совершает свое историческое отмщеніе.

Не всякій способен, однако, в періоды, когда развертываются картины неисчислимых страданій и горя, становиться на эту своеобразную историческую точку зрѣнія.

Может быть, в этом повинна русская некультурность, может быть, традиціонность русской интеллигентской мысли, но мы — писал я — не способны понять великих завѣтов гуманности, облеченных в ту форму, в которую облакает их д-р Нансен.

И далеко не только он один...

Когда совершаются убийства часто невинных людей, когда в странѣ свирѣпствует политическій террор, принимающій по временам самый разнузданный характер, наше моральное чувство не может примириться с утверждением: «ничто великое не совершается без борьбы и страданій». Наша общественная совѣсть требует другого отношенія к «кровавым конвульсіям», о которых столь энически писал Виктор Маргерит в своем привѣтствіи совѣтской власти по поводу пятилѣтія ея существованія, т. е. пятилѣтія насилій над человѣческой жизнью, над общественной совѣстью, над свободой слова.

Когда «учитель» и «ученик», Анатолий Франс и Мишель Кордей, преклоняются перед властью, которая яко-бы несет уничтоженіе несправедливости и угнетенія послѣ стольких вѣков, когда они говорят о русской коммунистической власти, как о провозвѣстницѣ «человѣку новаго лица міра», мы имѣем право требовать, чтобы тѣ, которые это пишут, и тѣ, которые говорят от имени демократіи, прежде всего познали современную русскую дѣйствительность.

Только раз поднялся мощный голос протеста западно-европейской демократіи против большевистскаго террора — это в дни, когда смертная петля накидывалась на социалистов во время московскаго процесса партіи с.-р. Мы слышали тогда голоса и Максима Горькаго, и Анатолия Франса, и Андре Барбюса, и Ромэна-Роллана, и Уэльса, предостерегавшіе московскую власть от «моральной блокады» Россіи социалистами всего міра. Угроза и нынѣ ви-

сит над «12 смертниками»! А Горькій через нѣсколько мѣсяцев уже писал, что совѣтская власть единственная сила, способная возбудить в массѣ русскаго народа творчество к новым, «болѣе справедливым и разумным формам жизни». Другіе привѣтствовали через полгода «новый лик міра»!

Час исторіи наступит! И тѣ, которые поднимают свой голос против войны, против ея «мрачных жертв», не должны заглушать свой голос совѣсти, когда совершается самое позорное, что только может быть в человѣческом мірѣ. Кто сознательно или безсознательно закрывает глаза на ужас политическаго террора, тот отбрасывает культуру к эпохѣ пережитаго уже варварства. Это величайшее преступленіе перед человѣчеством, преступленіе перед демократіей и социализмом, о котором они говорят. Обновить мір может только обновленный человѣкъ. Не ему развиваться в атмосферѣ угнетенія, ужаса, крови и общественного растлѣнія, густым туманом окутавшей нашу страждущую страну.

Наша общественная совѣсть настоятельно требует отвѣта на вопрос о том, каким образом гуманность и филантропія могут мириться с насиліем, которое совершается с Россіей, с той человѣческой кровью, которая льется на глазах всего культурнаго міра не на войнѣ, а в застѣнках палачей? Каким образом филантропія и гуманность могут мириться даже со «святым насиліем», если только таковое может быть в дѣйствительности?

Верховный комиссар Лиги Націй гордится вынавшей на его долю возможностью оказать помощь

великому русскому народу, строящему новую жизнь. Не пора ли в таком случаѣ остановить руку карающей Немезиды, занесенную над великой страной и великим народом?

И эта рука может быть остановлена лишь в том случаѣ, если культурный мир безоговорочно выявит свое отношеніе к тому, что происходит в Россіи, если западно-европейская демократія, в лицѣ прежде всего социалистов, оставляя фантомы реакціи в сторонѣ, дѣйствительно, в ужасѣ отвернется от кровавой головы Медузы, о чем писал в свое время Каутскій. Если революціонеры всѣх толков поймут, наконец, что правительственный террор есть убійство революціи и насадитель реакціи, что большевизм не революція и что он должен пасть «со стыдом и позором», сопровождаемый «проклятіем всего борящагося за свое освобожденіе пролетаріата» (слова Каутскаго).

Отчего мы не слышим еще толстовскаго «Не могу молчать»? Почему не поднимет своего голоса во имя «священнѣйших требованій человѣческой совѣсти» столь близкій, казалось бы, Льву Толстому Ромэн Роллан, который еще так недавно заявлял (в отвѣт Барбюсу), что он считает необходимым защищать моральныя цѣнности во время революціи больше, чѣм в обычное время?

«Средства гораздо важнѣе для прогресса чело-вѣчества, чѣм цѣли...» Почему молчит Лига прав чело-вѣка и гражданина? Неужели «les principes de 1879», стали дѣйствительно только «фразой, как литургія, как слова молитв»? Неужели прав

был наш великій Герцен, сказавшій это в 1867 году¹⁾. Почему на антимилитаристических конференціях «Христіанскаго Интернаціонала» (в Даніи в іюлѣ 1923 г.) говорят об уничтоженіи «духа войны», о ея виновниках и не слышно негодующаго голоса, клеймящаго нѣчто худшее, чѣм война — варварство, позорящее самое имя чело-вѣка?

«Страшно подумать, что в нѣскольких тысячах верст от нас гибнут миллионы людей от голода. Это должно отравить каждый наш кусок хлѣба» — писал орган чешских с.-д. «Pravo Lidu» по поводу организаціи помощи голодающей Россіи. Но развѣ не отравляет наше сознаніе ежедневно существованіе московских застѣнков?

Нѣтъ и не может быть успокоенія нашей совѣсти до той поры, пока не будет изжито мрачное средне-вѣковье XX вѣка, свидѣтелями котораго нам суждено быть. Жизнь сметет его, когда оно окончательно

¹⁾ Едва ли не впервые на послѣднем международном конгрессѣ Лиг прав чело-вѣка, очевидно, под влияніем выступленія П. Н. Милокова, избраннаго вице-президентом конгресса, была принята резолюція по поводу положенія политических заключенных в Россіи. Но как скромна она и по содержанию и по тону!

«Международный с'ѣзд Лиг защиты Прав Чело-вѣка, которому нейтральный комитет передал список, заключающій в себѣ около 1000 (!) русских граждан, приговоренных с 1920 г. или к смертной казни или к нѣскольким годам заключенія в тюрьмах и в концентраціонных лагерях за политическія преступленія, считает своим долгом настаивать перед совѣтскими властями на отбѣнѣ смертных приговоров и на широкой амнистии, освобождающей от других наказаній политических заключенных. С'ѣзд требует, чтобы русское правительство ускорило момент возстановленія свободы слова и печати, ибо эти свободы являются необходимыми условіями развитія республики».

но будет изжито в нашем собственном сознании, и
нужно заставить мир понять и осознать ужас тех
морей крови, которые затопили человеческое со-
знание.

С. Мельгунов.

Берлин, 15 декабря 1923 г.

„КРАСНЫЙ ТЕРРОР“

«В странѣ, гдѣ свобода личности дает возможность честной, идейной борьбы... политическое убійство, как средство борьбы, есть проявленіе деспотизма».

Исполн. Комитет
Нар. Воли.

Я прожил всѣ первые пять лѣтъ большевистскаго властвованія в Россіи. Когда я уѣхал в октябрѣ 1922 года, то прежде всего остановился в Варшавѣ. И здѣсь мнѣ случайно на первых же порах пришлось столкнуться с одним из самых сложных вопросов современной общественной психики и общественной морали.

В одном кафэ, содержимом на коллективных началах группой польских интеллигентных женщин, одна дама, подававшая мнѣ кофе, вдруг спросила:

— Вы русскій и недавно из Россіи?

— Да.

— Скажите, пожалуйста, почему не найдется никого, кто убил бы Ленина и Троцкаго?

Я был нѣсколько смущен столь неожиданно в упор поставленным вопросом, тѣм болѣе, что за послѣдніе годы отвык в Россіи от возможности открытаго высказыванія своих сужденій. Я отвѣтил ей однако, что лично, искони будучи противником террористических актов, думаю, что убійства прежде всего не достигают поставленной цѣли.

— Убійство одного спасло бы, возможно, жизнь тысячей, погибающих нынѣ бессмысленно в застѣн-

ках палачей. Почему же при царѣ среди социалистов находилось так много людей, готовых жертвовать собой во имя спасенія других или шедших на убійство во имя отомщенія за насиліе? Почему нѣтъ теперь мстителей за поруганную честь? У каждаго есть брат, муж, сын, сестра, жена. Почему среди них не подыметса рука, отомщающая за насиліе? Этого я не понимаю.

И я должен был, оставляя в сторонѣ вопрос о правѣ и морали насилія¹⁾ по совѣсти ей отвѣтить, что основная причина, мнѣ кажется, лежит в том, что при существующем положеніи, когда человѣческая жизнь в Россіи считается ни во что, всякаго должна останавливать мысль, что совершаемый им политическій акт, его личная месть, хотя бы во имя родины, повлечет за собою тысячи невинных жертв; в то время как прежде погибал или непосред-

¹⁾ «Насиліе имѣет оправданіе только тогда, когда оно направляется против насилія» — говорил Исполнительный Комитет Народной Воли в своем обращеніи к американскому народу по поводу убійства президента Гарфильда в 1881 году. ... «Я совершил величайшій грѣх, возможный для человѣка, два убійства, занятал себя кровью — и послѣ убійства Плеве из Бутырской тюрьмы в 1906 году Егор Сазонов в своих замѣчательных высказаніях к родителям, опубликованных мною в «Голосѣ Минувшаго» (1918 № 10—12) ... Послѣ страшной борьбы и мученій только под гнетом печальной необходимости мы брались за меч, который не мы первые поднимали ... Не мог я отказаться от своего креста ... Поймите же и простите ... Народ скажет про меня и про моих товарищей, казненных и оставленных в живых, как сказал на судѣ мой защитник: «Бомба их была начинена не динамитом, а горем и слезами народными ... бросая бомбы в правителей, они хотят уничтожить кошмар, который давил народную грудь», скажет и оправдает нас, а наших противников, тѣх, которые своими насиліями над народом доводили нас до необходимости проливать кровь, осудит и память их предаст вѣчному проклятію».

Моральное оправданіе этих «убійц» в том, что они не только убивают, но и умирают за убійство, как сказал Гершуни. Они дѣйствительно шли на эшафот и жизнь свою отдавали за жизнь других.

ственный виновникъ совершеннаго дѣянія или в крайнем случаѣ группа ему сопричастных — теперь иное. И сколько примѣров мы видим за послѣдніе годы!

1. Институт заложников.

«Террор — бесполезная жестокость, осуществляемая людьми, которые сами боятся».

Энгельс

17-го августа 1918 г. в Петербургѣ бывшим студентом, юнкером во время войны, социалистом Канцегиссером был убит народный комиссар Сѣверной Коммуны, руководитель Петербургской Чрезвычайной Комиссіи — Урицкий. Официальный документ об этом актѣ гласит: «При допросѣ Леонид Канцегиссер заявил, что он убил Урицкаго не по постановленію партіи, или какой-нибудь организаціи, а по собственному побужденію, желая отомстить за арест офицеров и разстрѣл своего друга Перельцвейга»¹⁾.

28-го августа социалистка Каплан покушалась на жизнь Ленина в Москвѣ.

Как отвѣтила на эти два террористических акта совѣтская власть?

По постановленію Петроградской Чрезвычайной Комиссіи — как гласит офиціозное сообщеніе в «Ежедневникѣ Чрез. Ком.» 20-го октября (№ 5) — разстрѣляно 500 человекъ заложников. Мы не знаем и, вѣроятно, никогда не узнаем точной цифры этих жертв — мы не знаем даже их имен. С увѣренностью однако можно сказать, что дѣйствительная цифра значительно превосходит цифру приведеннаго позд-

¹⁾ Перельцвейг с товарищами были разстрѣляны за нѣсколько недѣль до убійства Урицкаго. М. Алданов, «Совр. Зап.», т. XVI.

нѣйшаго полуофициальнаго сообщенія (никакого официального извѣщенія никогда не было опубликовано). В самом дѣлѣ, 23-го марта 1919 года англійскій военный священник Lombard сообщил лорду Керзону: «в послѣдних числах августа двѣ барки, наполненныя офицерами, потоплены и трупы их были выброшены в имѣннн одного из моих друзей, расположенном на Финском заливѣ; многіе были связаны по двое и по трое колючей проволокой»¹⁾.

Что же это невѣрное сообщеніе? Но об этом фактѣ многіе знают и в Петроградѣ и в Москвѣ. Мы увидим из другого источника, что и в послѣдующее время большевистская власть прибѣгала к таким варварским способам потопленія врагов (напр. в 1921 г.).

Один из очевидцев петроградских событій сообщает такія детали:

«Что касается Петрограда, то, при бѣглом подсчетѣ, число казненных достигает 1.300, хотя большевики признают только 500, но они не считают тѣх многих сотен офицеров, прежних слуг и частных лиц, которые были разстрѣляны в Кронштадтѣ и Петропавловской крѣпости в Петроградѣ без особаго приказа центральной власти, по волѣ мѣстнаго Совѣта; в одном Кронштадтѣ за одну ночь было разстрѣляно 400 ч. Во дворѣ были вырыты три больших ямы, 400 человек поставлены перед ними и разстрѣляны один за другим»²⁾.

«Историческим террором» назвал эти дни в Петроградѣ один из руководителей Вс. Чр. Ком. Петерс в интервью, данном газетному корреспонденту в ноябрѣ: «Вопреки распространенному мнѣнію — говорил Петерс, — я вовсе не так кровожаден, как думают». В Петербургѣ «мягкотѣлые революціонеры

¹⁾ A Collection of Reports on Bolschewism in Russia. Abridged Edition of Parliamenters Paper. Russia Nr. 1. Книга эта переведена на французскій языкъ под заглавіем «Le Bolchevisme en Russie. Livre blanc anglais»; цитирую по ней стр. 159.

²⁾ Livre blanc 59.

были выведены из равновѣсія и стали черезчур усердствовать. До убійства Урицкаго в Петроградѣ не было разстрѣлов, а послѣ него слишком много и часто без разбора, тогда как Москва в отвѣтъ на покушеніе на Ленина отвѣтила лишь разстрѣлом нѣскольких царских министров». И тут же однако не слишком кровожадный Петерс грозил: «я заявляю, что всякая попытка русской буржуазіи еще раз поднять голову, встрѣтит такой отпор и такую расправу, перед которой поблѣднѣет все, что понимается под красным террором»¹⁾.

Оставляю пока в сторонѣ совершенно ложное утвержденіе Петерса, что до убійства Урицкаго в Петроградѣ не было смертных казней. Итак, в Москвѣ за покушеніе социалистки на Ленина разстрѣляно лишь нѣсколько царских министров! Петерс не постыдился сдѣлать это заявленіе, когда всего за нѣсколько дней перед тѣм в том же «Еженедѣльникѣ Ч. К.» (№ 6) был опубликован весьма укороченный список разстрѣлянных за покушеніе на Ленина. Их было опубликовано через два мѣсяца послѣ разстрѣла 90 человек²⁾. Среди них были и министры, были офицеры, как были и служащіе кооперативных учреждений, присяжные повѣренные, студенты, священники и др. Мы не знаем числа разстрѣлянных. Кромѣ единственнаго сообщенія в «Еженедѣльникѣ Ч. К.»³⁾ никогда ничего больше не было опубликовано. А между тѣм мы знаем, что

¹⁾ «Утро Москвы», № 21, 4/XI 1918 г.

²⁾ Еще опубликовано было 15 фамилій в № 3 «Еженедѣльника».

³⁾ Кстати такіе освѣдомительные и руководящіе органы появились при цѣлом рядѣ Чрезвычайных Комиссій: Напр., издавались «Царицынскія Изв. Ч. К.», органъ всеукраинской Ч. К. именовался «Красный Меч». Собраніе этих журнальчиков и листков могли бы дать богатѣйшій матеріал для характеристике «краснаго террора».

людей в эти дни в Москвѣ по общимъ свѣдѣніямъ было разстрѣляно больше 300¹⁾).

Тѣ, которые сидѣли в эти истиннѣ мучительные дни в Бутырской тюрьмѣ, когда были арестованы тысячи людей из самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоев, никогда не забудутъ своихъ душевныхъ переживаній. Это было время, названное однимъ изъ очевидцевъ «дикой вакханаліей краснаго террора»²⁾. Тревожно и страшно было по ночамъ слышать, а иногда и присутствовать, как брали десятками людей на разстрѣл. Приѣзжали автомобили и увозили свои жертвы, а тюрьма не спала и трепетала при каждомъ автомобильномъ гудкѣ. Вот войдутъ в камеру и потребуютъ кого-нибудь «с вещами» в «комнату душ»³⁾ — значит, на разстрѣл. И там будутъ связывать попарно проволокой. Если бы вы знали, какой это былъ ужас! Я сидѣл в эти дни в Бутырской тюрьмѣ, и самъ переживалъ все эти страшные кошмары. Возьму одинъ рассказъ очевидца:⁴⁾

«В памяти не сохранились имена многих и многих, уведенныхъ на разстрѣл из камеры, в которой сидѣлъ пишуцій эти строки в Ленинскіе августовскіе дни 1918 года, но душераздирающія картины врѣзались в память и вряд ли забудутся до конца жизни»...

«Вот группа офицеров, в числѣ пяти человекъ, черезъ нѣсколько дней послѣ «Ленинскаго выстрѣла» вызывается в «комнату душ». Нѣкоторые из нихъ случайно были взяты при облавѣ на улицѣ. Сознаніе возможности смерти не приходило имъ в голову,

¹⁾ М. П. Арцыбашевъ в своихъ показаніяхъ Лозанскому суду опредѣляетъ эту цифру в 500.

²⁾ «В дни краснаго террора» — Сборникъ «Че-Ка».

³⁾ Здѣсь прежде, при самодержавіи, дезинфицировали новыхъ тюремныхъ сидѣльцевъ; зловѣщая «комната душъ» служила в 1918 г. мѣстомъ, куда сводили людей, которыхъ везли на убой.

⁴⁾ «Че-Ка», «Сухая гильотина», стр. 49—50.

они спокойно подчинились своей судьбѣ — сидѣть в заключеніи...»

«И вдруг... «с вещами по городу в комнату душ». Бѣдные, как полотно, собираютъ они вещи. Но одного выводной надзиратель никакъ не можетъ найти. Пятый не отвѣчаетъ, не откликается. Выводной выходитъ и возвращается с завѣдующимъ корпусомъ и нѣсколькими чекистами. Поименная повѣрка. Этотъ пятый обнаруживается... Он залѣзъ подъ койку... Его выволакиваютъ за ноги... Непростые звуки его голоса заполняютъ весь корридоръ. Он отвѣчается съ крикомъ: «За что? Не хочу умирать!» Но его осиливаютъ, вытаскиваютъ из камеры... и они исчезаютъ... и вновь появляются во дворѣ... Звуковъ уже не слышно... Ротъ заткнутъ тряпками.

Молодой пранорщикъ Семеновъ арестованъ за то, что во время крупнаго пожара лѣтомъ 1918 года на Курскомъ вокзалѣ (горѣли вагоны на линіи), находясь среди зрителей, замѣтилъ, что вѣроятно вагоны подожгли сами большевики, чтобы скрыть слѣды хищеній. Его арестовали, а вмѣстѣ с нимъ арестовали на квартирѣ его отца и брата. Черезъ три мѣсяца послѣ допроса слѣдователь увѣрилъ его, что онъ будетъ освобожденъ. Вдруг... «с вещами по городу». И черезъ нѣсколько дней его фамилія значилась в числѣ разстрѣлянныхъ. А черезъ мѣсяцъ при допросѣ отца слѣдователь сознался ему, что сынъ былъ разстрѣлянъ по ошибкѣ, «в общей массѣ» разстрѣлянныхъ.

Однажды к намъ в камеру ввели юношу лѣтъ 18—19, ранѣе уведеннаго из нашего корридора. Онъ былъ арестованъ при облавѣ на улицѣ в іюль 1918 года около храма Христа Спасителя. Этотъ юноша рассказалъ намъ, что черезъ нѣсколько дней по привозѣ его в В. Ч. К., его вызвали ночью, посадили на автомобиль, чтобы отвезти на разстрѣл (в 1918 году разстрѣливали не в подвалѣ, а за городомъ). Совершенно случайно кто-то из чекистовъ обратилъ вниманіе, что разстрѣлять они должны не молодого, а мужчину среднихъ лѣтъ. Справились, — оказалось фамилія и имя тѣ же са-

мья, отчества расходятся, и разстрѣливаемому должно быть 42 года, а этому 18. Случайно жизнь его была спасена и его вернули к нам обратно.

Красный террор цѣлыми недѣлями и мѣсяцами держал под Дамокловым мечом тысячи людей. Были случаи, когда заключенные отказывались выходить из камеры на предмет освобождения из тюрьмы, опасаясь, что вызов на волю — ловушка, чтобы обманом взять из тюрьмы на разстрѣл. Были и такіе случаи, когда люди выходили из камеры в полном сознании, что они выходят на волю, и сокамерники обычными привѣтствіями провожали их. Но через нѣсколько дней фамилии этих мимо освобожденных указывались в список разстрѣлианных. А сколько было таких, имена которых просто не опубликовывались...

Не только Петербург и Москва отвѣтили за покушение на Ленина сотнями убійств. Эта волна прокатилась по всей совѣтской Россіи — и по большим и малым городам и по мѣстечкам и селам. Рѣдко сообщались в большевистской печати свѣдѣнія об этих убійствах, но все же в «Еженедѣльникѣ» мы найдем упоминанія и об этих провинциальных разстрѣлах, иногда с определенным указанием: разстрѣлян за покушение на Ленина. Возьмем хотя бы нѣкоторые из них.

«Преступное покушение на жизнь нашего идейного вождя, тов. Ленина — сообщает Нижегородская Ч. К. — побуждает отказаться от сентиментальности и твердой рукой провести диктатуру пролетаріата»... «Довольно слов!»... «В силу этого — комиссіей «разстрѣлян 41 человек из вражескаго лагеря». И дальше шел список, в котором фигурируют офицеры, священники, чиновники, лѣсничій, редактор газеты, стражник и пр. и пр. В этот день в Нижнем на всякій случай взято до 700 заложников¹⁾. «В отвѣт на

убійство тов. Урицкаго и покушеніе на тов. Ленина... красному террору подвергнуты», по постановленію Сумской (Харьковской губ.) уѣздной Ч. К., трое летчиков: Смоленской Областной Комиссіей 38 помѣщиков Западной Области: Новоржевской — какіе то Александра, Наталія, Евдокія, Павел и Михаил Росляковы; Понехонской — 31 (цѣлыми семьями: 5 Шалаевых, 4 Волковых), Псковской — 31, Ярославской — 38, Архангельской — 9, Собожекской — 17, Вологодской — 14, Брянской Ч. К. — 9 грабителей» (!) и т. д. и т. д.

Всероссійской Ч. К. за покушеніе на вождя всемірнаго пролетаріата среди других разстрѣлианы: артељщик Кубицкій за ограбленіе 400 т. р., два матроса за то же, комиссар Ч. К. Пискунов «пытавшійся продать револьвер милиционеру», два фальшивых монетчика и др. Такой список, между прочим, был опубликован в № 3 «Еженедѣльника В. Ч. К.» Таких опубликованных списков можно было бы привести десятки, а неопубликованных — не было мѣста, гдѣ бы не происходили разстрѣлы «за Ленина».

Характерен экстремный бюллетень Ч. К. по борьбѣ с контр-революціей в гор. Моршанскѣ, выпущенный по поводу происходивших событій. Он между прочим гласил: «Товарищи! Нам бьют по одной щекѣ, мы это возвращаем сторицей и даем удар по всей физиономіи. Произведена противозаразная прививка, т. е. красный террор... Прививка эта сдѣлана по всей Россіи, в частности в Моршанскѣ, гдѣ на убійство тов. Урицкаго и раненіе т. Ленина отвѣтили разстрѣлом... (перечислено 4 человек) и если еще будет попытка покушенія на наших вождей революціи и вообще работников, стоящих на отвѣтственных постах из коммунистов, то жестокость проявится в еще худшем видѣ...

будем отвѣчать разстрѣлом заложников буржуазіи, ибо кровь наших товарищей убитых и раненых требует отомщенія».

¹⁾ «Раб.-Кр. Ниж. Лнет.» пояснял к этому: «на каждое убійство коммуниста или на покушеніе на убійство мы

Мы должны ответить на удар — ударом в десять раз сильнее». И впервые, кажется, появляется официальное заявление о заложниках, которые будут «немедленно расстреляны», при «самом первом контр-революционном выступлении». «За голову и жизнь одного из наших вождей должны слететь сотни голов буржуазии и всех ее приспешников» — гласило объявление «всем гражданам города Торжка и уезда», выпущенное местной уездной Ч. К. Далее шел список арестованных и заключенных в тюрьму, в качестве «заложников»: инженеры, кушцы, священник и... правые социалисты-революционеры. Всего 20 человек. В Иваново-Вознесенск заложников взято 184 человека и т. д. В Перми за Урицкого и Ленина расстреляно 50 человек (СФВ, Ком. 18/IX).

Не довольно ли и приведенных фактов, чтобы опровергнуть официальные сообщения. За Урицкого и Ленина действительно погибли тысячи невиновных по отношению к этому делу людей.

И в дальнейшем процветала та же система заложничества.

Прошел год, в течение которого террор принял в России ужасающие формы: но истина бледнеет все то, что мы знаем в истории. Произошло террористическое покушение, произведенное группой анархистов и левых социалистов-революционеров, первоначально шедших рука об руку с большевиками и принимавших даже самое близкое участие в организации чрезвычайной комиссии. Покушение это было совершено в значительной степени в ответ на убийство целого ряда членов партии, объявленных заложниками. 15-го июня 1919 г. от имени председателя Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии Ладиса было напечатано следующее заявление:

«В последнее время целый ряд ответственных советских работников получает угрожающие письма от боевой дружины левых социалистов-революционеров интернационалистов, т. е. активистов. Советским

работникам объявлен белый террор. Всеукраинская Чрезвычайная Комиссия настоящим заявляет, что за малейшую попытку нападения на советских работников будут расстреливаться находящиеся под арестом члены партии соц.-рев. активистов, как здесь, на Украине, так и в Великобритании. Карающая рука пролетариата опустится с одинаковой тяжестью, как на белогвардейца с денкинским мандатом, так и на активистов левых социалистов-революционеров, именующих себя интернационалистами.

Председатель Всеукраинской Комиссии Ладис». («Кіевск. Изв.»¹⁾).

Как бы в ответ 25-го сентября 1919 г. в партийном большевистском помѣщеніи в Москвѣ, в Леонтьевском переулкѣ произведен был заранее подготовленный взрыв, разрушившій часть дома. Во время взрыва было убито и ранено нѣсколько видных коммунистов. На другой день в московских газетах за подписью Каменева была опубликована угроза: «бѣлогвардейцы», совершившіе «гнусное преступленіе», «понесут страшное наказаніе». «За убитых» — добавлял Гойхарт в статьѣ в «Извѣстіях» — власть «сама достойным образом расплатится».

И новая волна кровавого террора пронеслась по России: власть «достойным образом» расплачивалась за взрыв с людьми, которые не могли имѣть к нему никакого отношенія. За акт, совершенный лѣвыми с.-р. и анархистами²⁾ власть просто расстрѣливала тѣх, кто в этот момент был в тюрьмѣ.

«В ответ на брошенные в Москвѣ бомбы» в Саратовѣ Чрез. Комиссія расстрѣлила 28 человек, среди

¹⁾ Аналогичное заявление за подписью Держинского было опубликовано в «Извѣстіях» еще 1 марта: «арестованные лѣвые социалисты-революционеры и меньшевики будут служить заложниками, и судьба их будет зависеть от поведения обеих партий».

²⁾ В изданной в Берлинѣ брошюрѣ «Гонимыя на анархистов в советской Россіи» опредѣленно говорится, что покушеніе в Леонтьевском пер. произведено анархистами.

которых было нѣсколько кандидатов в члены Учредительнаго Собранія из конст.-демократ. партіи, бывшій народоволец, юристы, помѣщики, священники и т. д. ¹⁾ Столько разстрѣляно официально. В дѣйствительности больше, столько, сколько по телеграммѣ из Москвы пришлось на Саратов из «всероссийской кровавой повинности» — таких считали 60.

О том, как составлялись в эти дни списки в Москвѣ, бывшей главной ареной дѣйствія, мы имѣем яркое свидѣтельство одного из заключенных в Бутырской тюрьмѣ ²⁾.

«По разсказу коменданта М. Ч. К. Захарова, прямо с мѣста взрыва пріѣхал в М. Ч. К. блѣдный, как полотно и взволнованный Дзержинскій и отдал приказ: разстрѣливать по спискам всѣх кадет, жандармов, представителей стараго режима и разных там князей и графов, находящихся во всѣх мѣстах заключенія Москвы, во всѣх тюрьмах и лагерях. Так, одним словесным распоряженіем одного человѣка, обрекались на немедленную смерть многіе тысячи людей.

Точно установить, сколько успѣли за ночь и на слѣдующій день перестрѣлять, конечно, невозможно, но число убитых должно исчисляться по самому скромному разсчету — сотнями. На слѣдующій день это распоряженіе было отмѣнено . . .»

Прошел еще год, и распоряженіем центральной власти был введен уже официально особый институт заложников.

30-го ноября 1920 года появилось «правительственное сообщеніе» о том, что ряд «бѣлогвардейских организацій за думал (?) совершеніе террористических актов против руководителей рабоче-крестьянской революціи». Посему заключенные в тюрьмах

¹⁾ «Саратовск. Извѣстія», 2/X 1919 г.

²⁾ «Че-Ка», «Год в Бутырской тюрьмѣ», стр. 144.

представители различных политических групп объявлялись заложниками ¹⁾.

На это сообщеніе счел долгом откликнуться письмом к Ленину старый анархист П. А. Кропоткин ²⁾. «Неужели не нашлось среди Вас никого, — писал Кропоткин, — чтобы напомнить, что такіа мѣры, представляющія возврат к худшему времени средне-вѣковья и релігіозных войн — недостойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах . . . Неужели никто из Вас не вдумался в то, что такое заложник? Это значит, что человѣкъ засажен в тюрьму, не как в наказаніе за какое-нибудь преступленіе, что его держат в тюрьмѣ, чтобы угрожать его смертью своим противникам. «Убьете одного из наших, мы убьем столько-то из Ваших». Но развѣ это не все равно, что выводить человѣка каждое утро на казнь и отводить его назад в тюрьму, говоря: «Погодите», «не сегодня». Неужели Ваши товарищи не понимают, что это равносильно возобновленію пытки для заключенных и их родных . . .»

Жившій уже вдали от жизни, престарѣлый и больной П. А. Кропоткин недостаточно ясно представлял себѣ реальное воплощеніе большевистских теорій насилія. Заложники! Развѣ их не брали фактически с перваго дня террора? Развѣ их не брали повсемѣ-

¹⁾ В сущности поводом к этому правительственному акту послужила лишь статья В. Л. Бурцева в его «Общем дѣлѣ». Он писал: «На террор необходимо отвѣтить террором . . . должны найтись революціонеры, готовые на самопожертвованіе, чтобы призвать к отчету Ленина и Троцкаго, Стеклова и Дзержинскаго, Ладиса и Луначарскаго, Каменева и Калининна, Красина и Карахана, Крестинскаго и Зиновьева и т. д.». Может быть, в параллель этой статьѣ слѣдует отмѣтить имѣющую психологическую цѣнность записи дипломата в свой дневник при веденіи Брест-Литовских переговоров. Черни 26-го декабря 1917 г. записал: «Шарлота Кордэ сказала: я убила не человѣка, а дикаго звѣря. Эти большевики также исчезнут, и кто знает, не найдется ли Кордэ и для Троцкаго».

²⁾ «На чужой сторонѣ», кн. III.

стно в период гражданской войны? Их брали на югъ, их брали на востокъ, их брали на сѣверъ...

Сообщая о многочисленных заложниках в Харьковѣ, председатель мѣстнаго губисполкома Кош докладывал в Харьковском совѣтѣ: «в случаѣ, если буржуазный гад поднимет голову, то прежде всего падут головы заложников»¹⁾.

«Большевики возстановили гнусный обычай брать заложников», — писал Локкарт 10-го ноября 1918 г. — «И что еще хуже, они разят своих политических противников, мстя их женам. Когда недавно в Петроградѣ был опубликован длинный список заложников, большевики арестовали жен не найденных и посадили их в тюрьму впродолженіе до явки их мужей»²⁾. Арестовывали жен и дѣтей и часто разстрѣливали их. Напр., в мартѣ 1919 г. в Петербургѣ разстрѣливали родственников офицеров 86-го пѣхотнаго полка, перешедшаго к бѣлым³⁾. О разстрѣлѣ заложников в 1919 г. в Кроштадтѣ, «родственников офицеров, п о д о з р ѣ в а е м ы х в том, что они перешли к бѣлой гвардіи», говорит записка, поданная в ВЦИК извѣстной лѣвой соц.-рев. Ю. Зубелевич⁴⁾. Брали сотнями заложницами крестьянских жен вмѣстѣ с дѣтьми во время крестьянских возстаній в Тамбовской губерніи: онѣ сидѣли в разных тюрьмах, в том числѣ в Москвѣ чуть ли не в теченіе двух лѣтъ. Напр., приказ оперштаба тамбовской Ч. К. 1-го сентября 1920 г. объявлял: «Провести к семьям возстанших безпощадный красный террор... арестовывать в таких семьях всѣх с 18 лѣтняго возраста, не считаясь с полом и если бандиты выступленія будут продолжать, разстрѣливать их. Села обложить чрезвы-

¹⁾ «Харьковск. Изв.» № 126 13/IV 1919 г.

²⁾ Livre blanc, стр. 37.

³⁾ «Русская Жизнь» (Гельсингфорс), 11-го марта.

⁴⁾ В результатъ неумѣтнаго, с точки зрѣнія совѣтской власти, выступленія Ю. М. Зубелевич была отправлена в ссылку в Оренбург.

чайными контрибуціями, за неисполненіе которых будут конфисковаться всѣ земли и все имущество»¹⁾.

Как проводился в жизнь этот приказ, свидѣлствуют официальные сообщенія, печатавшіяся в тамбовских «Извѣстіях»: 5-го сентября сожжено 5 сел; 7-го сентября разстрѣлиано болѣе 250 крестьян... В одном кожуховском концентраціонном лагерѣ под Москвой (в 1921—22 г.) содержалось 313 тамбовских крестьян в качествѣ заложников, в числѣ их дѣти от 1 мѣсяца до 16 лѣтъ. Среди этих раздѣтых (без теплых вещей), полуголодных заложников осенью 1921 г. свирѣловал сыпной тиф. Мы найдем длинные списки опубликованных заложников и заложниц за дезертиров, напр., в «Красном воинѣ» (12/XI 1919 г.). Здѣсь вводится даже особая рубрика для нѣкоторых заложников: «приговорен к разстрѣлу условно».

Разстрѣливали и дѣтей и родителей. И мы найдем засвидѣлствованные и такіе факты. Разстрѣливали дѣтей в присутствіи родителей и родителей в присутствіи дѣтей. Особенно свирѣловал в этом отношеніи Особый Отдѣл В. Ч. К., находившійся в вѣдѣніи полусумасшедшаго Кедрова²⁾. Он присылал с «фронтов» в Бутырки цѣлыми пачками малолѣтних «шніонов» от 8—14 лѣтъ. Он разстрѣливал на мѣстах этих малолѣтних шніонов-гимназистов.

Я лично знаю ряд таких случаев в Москвѣ.

Какое дѣло кому до каких-то моральных пыток, о которых пытался говорить в своем письмѣ П. А. Кропоткин. В Чрезвычайных Комиссіях не только провинціальных, но и столичных, практиковались самыя настоящія истязанія и пытки. Естественно, письмо П. А. Кропоткина оставалось гласом вопиющаго в пустынѣ. Если тогда не было разстрѣлов среди тѣх, кто

¹⁾ «Рев. Россія» № 11—15.

²⁾ Кедров находится нынѣ в психіатрической больницѣ, как неналѣжный.

был объявлен заложником, то может быть потому, что не было покушений.

Прошел еще год. И во время Кронштадтского возстанія тысячи были захвачены в качествѣ заложников. Затѣм появились новые заложники в лицѣ осужденных по извѣстному процессу социалистов-революціонеров смертников. Эти живут под угрозой условнаго разстрѣла!

И, может быть, только тѣм, что убійство Воровскаго произошло на Швейцарской территоріи, слишком гласно для всего міра, объясняется то, что не было в Россіи массовых разстрѣлов, т. е. о них не было опубликовано и гласно заявлено. Что дѣлается в тайниках Государственнаго Политическаго Управленія, замѣнившаго собой по имени Чрезвычайныя комиссіи, мы не знаем. Разстрѣлы продолжаются, но о них не публикуется, или, если публикуется, то рѣдко и в сокращенном видѣ. Истины мы не знаем.

Но мы знаем, что послѣ оправдательнаго приговора в Лозаниѣ большевики недвусмысленно уже грозили возобновленіем террора по отношенію к тѣм, кто считается заложником. Так Сталин — как сообщали недавно «Дни» и «Vorwärts» — в засѣданіи московскаго комитета большевиков заявил:

«Голоса всѣх трудящихся требуют от нас возмездія подстрекателям этого чудовищнаго убійства.

Фактически убійцы тов. Воровскаго — не ничтожныя наймиты Конради и Полунин, а тѣ социал-предатели, которые, скрывшись от народнаго гнѣва за предѣлы досягаемости, еще продолжают готовить почву для наступленія против руководителей русскаго пролетаріата.

Они забыли о нашей дальновидности, проявленной нами в августѣ 1922 года, когда мы приостановили приговор Верховнаго Трибунала, вопреки настойчивому желанію всѣх трудящихся масс.

Теперь мы можем им напомнить, что постановленіе еще не потеряло силы, и за смерть тов. Воров-

скаго мы сумѣем потребовать к отвѣту их друзей, находящихся в нашем распоряженіи».

«Заложники — капитал для обмѣна»... Эта фраза извѣстнаго чекиста Лациса, может быть, имѣла нѣкоторый смысл по отношенію к иностранным поданным, во время польско-русской войны. Русскій заложник — это лишь форма психическаго воздѣйствія, это лишь форма устрашенія, на котором построена вся внутренняя политика, вся система властвованія большевиков.

II. «Террор навязан».

«Пролетарское принужденіе во всѣх своих формах, начиная от разстрѣлов... является методом выработки коммунистическаго человѣка из человѣческаго матеріала капиталистической эпохи». Бухарин.

Террор в изображеніи большевистских дѣятелей нерѣдко представляется, как слѣдствіе возмущенія народных масс. Большевики вынуждены были прибѣгнуть к террору под давленіем рабочаго класса. Мало того, государственный террор лишь вводил в извѣстныя правовыя нормы неизбежный самосуд. Болѣе фарисейскую точку зрѣнія трудно себѣ представить и нетрудно показать на фактах, как далеки от дѣйствительности подобныя заявленія.

В запискѣ народнаго комиссара внутренних дѣл и в то же время истиннаго творца и руководителя «красным террором» Дзержинскаго, поданной в совѣтъ народных комиссаров 17-го февраля 1922 г., между прочим, говорилось: «В предположеніи, что вѣковая старая ненависть революціоннаго пролетаріата против поработителей поневолѣ выльется в цѣлый ряд бессистемных кровавых эпизодов, причем воз-

бужденные элементы народного гнѣва сметут не только врагов, но и друзей, не только враждебные и вредные элементы, но и сильные и полезные, я стремился провести с и с т е м а т и з а ц і ю карательнаго аппарата революціонной власти. За все время «Чрезвычайная коммиссія была не что иное, как р а з у м - н о е направление карающей руки революціоннаго пролетаріата»¹⁾.

Мы покажем ниже, в чем заключалась эта «разумная» систематизация карательнаго аппарата государственной власти. Проект об организации Всероссийской Чрезвычайной коммисіи, составленный Дзержинским еще 7-го декабря 1917 г. на основаніи «историческаго изученія прежних революціонных эпох», находился в полном соответствіи с теоріями, которыя развивали большевистскіе идеологи. Ленин еще весной 1917 г. утверждал, что социальную революцію осуществить весьма просто. Стоит лишь уничтожить 200—300 буржуев. Известно, что Троцкій в отвѣтъ на книгу Каутскаго «Терроризм и коммунизм» дал «идейное обоснованіе террора», сведшееся впрочем к чрезмѣрно простой истинѣ: «враг должен быть обезврежен; во время войны это значит — уничтожен». «Устрашеніе является могущественным средством политики, и надо быть лицемѣрным ханжой, чтобы этого не понимать»²⁾. И прав был Каутскій, сказавшій, что не будет преувеличеніем назвать книгу

¹⁾ Явно, что первый комиссар юстиціи при большевиках лѣвый с.-р. Штейнберг, выпустившій недавно книгу против террора «Нравственный лик революціи» и всемѣрно обляющий свою партію в участіи в кровавом дѣлѣ террора, неправ, утверждая, что Ч. К. возникли из «хаотическаго состоянія первых горячих дней октябрьской революціи».

²⁾ Из книги Троцкаго Дзержинскій заимствовал и аргументацию о «народном гнѣвѣ»: «В обстановкѣ классоваго раба — писал Троцкій — трудно обучить угнетенныя массы хорошим манерам. Выведенныя из себя онѣ дѣйствуют полным, камнем, огнем и веревкой».

Троцкаго «хвалебным гимном во славу безчеловѣчности». Эти кровавые призывы по истинѣ составляют по выраженію Каутскаго «вершину мерзости революціи». «Планомѣрно проведенный и всесторонне обдуманый террор нельзя смѣшивать с эксцессами взбуродаженной толпы. Эти эксцессы исходят из самых некультурных, грубѣйших слоев населенія, террор же осуществляется высококультурными, исполненными гуманности людьми». Эти слова идеолога нѣмецкой социал-демократіи относятся к эпохѣ великой французской революціи¹⁾. Они могут быть повторены и в XX вѣкѣ: идеологи коммунизма возродили отжившее прошлое в самых худших его формах. Демагогическая агитация «высококультурных», исполненных яко-бы «гуманностью» людей безстыдно творила кровавое дѣло.

Не считаясь с реальными фактами большевики утверждали, что террор в Россіи получил примѣненіе лишь послѣ первых террористических покушеній на так называемых вождей пролетаріата. Латыш Лацис, один из самых жестоких чекистов, имѣл смѣлость в августѣ 1918 г. говорить об исключительной гуманности совѣтской власти: «нас убивают тысячами (!!), а мы ограничиваемся арестом» (!!). А Петере, как мы уже видѣли, с какой-то исключительной циничностью публично даже утверждал, что до убійства, напр., Урицкаго, в Петроградѣ не было смертной казни.

Начав свою правительственную дѣятельность в цѣлях демагогических с отмѣны смертной казни²⁾, большевики немедленно ее возстановили. Уже 8-го января 1918 г. в объявленіи Совѣта народных комиссаров говорилось о «созданіи батальонов для рытья

¹⁾ Каутскій. «Терроризм и коммунизм», стр. 139.

²⁾ В № 1 «Газеты Временнаго Рабочаго и Крестьянскаго Правительства» от 28-го октября было опубликовано: «Всероссійскій сѣзд совѣтов постановил: возстановленная Керенским смертная казнь на фронтѣ отмѣняется».

оконов из состава буржуазного класса мужчин и женщин, под надзором красновардейцев». «Сопротивляющихся разстрѣливать» и дальше: контр-революціонных агитаторов «разстрѣливать на мѣстѣ преступленія» (Из в. № 30).

Другими словами, возстанавливалась смертная казнь и а мѣстѣ без суда и разбирательства. Через мѣсяц появляется объявленіе знаменитой впоследствии Всероссийской Чрезвычайной Комиссіи: «контр-революціонные агитаторы... всѣ бѣгущіе на Дон для поступленія в контр-революціонныя войска... будут безпощадно разстрѣливаться отрядом комиссіи на мѣстѣ преступленія». Угрозы стали сыпаться как из рога изобилія: «мѣшечники разстрѣливаются на мѣстѣ» (в случаѣ сопротивленія), расклеивающіе прокламаціи «немедленно разстрѣливаются» (Из вѣстія, № 27) и т. п. Однажды совѣт народных комиссаров разослал по желѣзным дорогам экстренную депешу о каком-то специальном поѣздѣ, слѣдовавшем из Ставки в Петроград: «если в пути до Петербурга с поѣздом произойдет задержка, то виновники ея будут разстрѣляны». «Конфискація всего имущества и разстрѣл» ждет тѣх, кто вздумает обойти существующіе и издашіе совѣтской властью законы об обмѣнѣ, продажѣ и куплѣ. Угрозы разстрѣлом разнообразны. И характерно, что приказы о разстрѣлах издаются не одним только центральным органом, а всякаго рода революціонными комитетами: в Калужской губ. объявляется, что будут разстрѣляны за неплату контрибуцій, наложенных на богатых; в Вяткѣ «за выход из дома послѣ 8 часов»; в Брянскѣ за пьянство; в Рыбинскѣ — за скопленіе на улицах и притом «без предупрежденія». Грозил не только разстрѣлом: комиссар города Зміева обложил город контрибуціей и грозил, что неплатившіе «будут утоплены с камнем на шеѣ в Днѣстрѣ»¹⁾. Еще бо-

¹⁾ Ср. ниже с рѣчью большевицкаго главкома Муравьева в Одессѣ.

тѣ выразительное: главноверх Крыленко, будущій главный обвинитель в Верховном Революціонном Трибуналѣ, хранитель законности в совѣтской Россіи, 22-го января объявлял: «Крестьянам Могилевской губерніи предлагаю расправиться с насильниками по своему разсмотрѣнію». Комиссар Сѣвернаго раіона и Западной Сибири в свою очередь опубликовал: «если виновные не будут выданы, то на каждые 10 человек по одному будут разстрѣляны, нисколько не разбираясь, виновен или нѣтъ».

Таковы приказы, воззванія, объявленія о смертной казни...

Цитируя их, один из старых борцов против смертной казни в Россіи, д-р Жбанков писал в «Общественном врачѣ» (1918 г. № 9—10): «Почти всѣ они дают широкій простор произволу и усмотрѣнію отдѣльных лиц и даже раз'яренной ничего не разбирающей толпѣ», т. е. узаконяется самосуд.

Смертная казнь еще в 1918 г. была возстановлена в предѣлах, до которых она никогда не доходила и при царском режимѣ. Таков был первый результат систематизаціи карательнаго аппарата «революціонной власти». По презрѣнію элементарных человѣческих прав и морали центр шел вперед и показывал тѣм самым примѣр. 21-го февраля в связи с наступленіем германских войск особым манифестом «соціалистическое отечество» было превозглашено в опасности и вмѣстѣ с тѣм дѣйствительно вводилась смертная казнь в широчайших размѣрах: «непріятельскіе агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контр-революціонные агитаторы, германскіе шпіоны разстрѣливаются на мѣстѣ преступленія»¹⁾.

¹⁾ Штейнберг в своей книгѣ «Нравственный лик революціи», замѣчает: «Мы единогласно с негодованіем в своих отвѣтственных кругах заклеймили это вновь вытасщенное на чистую (!?) арену заржавленное ору-

Не могло быть ничего болѣе возмутительнаго, чѣм дѣло капитана Щаснаго, разсматривавшееся в Москвѣ в маѣ 1918 г. в так называемом Верховном Революціонном Трибуналѣ. Капитан Щасный спас остаток русскаго флота в Балтійском морѣ от сдачи нѣмецкой эскадрѣ и привел его в Кронштадт. Он был обвинен тѣм не менѣе в измѣнѣ. Обвиненіе было сформулировано так: «Щасный, совершая геройскій подвиг, тѣм самым создал себѣ популярность, намѣреваясь впоследствии использовать ее против совѣтской власти». Главным, но и единственным свидѣтелем против Щаснаго выступил Троцкій. 22-го мая Щасный был расстрѣян «за спасеніе Балтійскаго

дѣе варварства: Мы энергично протестовали в центрѣ власти... мы единодушно отвергали там всѣ проекты жалостливых большевиков, (как Луначарскій), пытавшихся установить «надзор» за смертными... Мы не шли ни на какія сдѣлки в этом вопросе». Но «когда большинством голосов наши предложенія были отвергнуты, мы больше ничего не дѣлали» — с оиозданіем кается бывший комиссар юстиціи. «Мы не замѣтили, что этими вначаль узкими воротами к нам вернулся с своими чувствами и орудіями тот же самый старый мир». «Волею революціонной власти создавался слой революціонных убійц, которым суждено было векорѣ стать убійцами революціи». Это произошло раньше, когда лѣвые с.-р. принимали участие в организации Ч. К. И запоздалыми были позднѣйшія смягченія, которыя бывший большевистскій комиссар юстиціи пытался вводить в практику Ч. К. Представители лѣвых с.-р. не шли ни на какія сдѣлки, а в лицѣ помощника Дзержинскаго, л. с.-р. Закса, говорили о расстрѣлах!

Не лѣвые ли с.-р. в день обсужденія вопроса о террорѣ в Петроградском Совѣтѣ 8-го сентября высказались за «необходимость классоваго, организовавшаго террора»? Не лѣвые ли с.-р. в «Волѣ Труда» 10-го октября заявляли, что «в отношеніи контр-революціи Ч. К. вполнѣ оправдала свое назначеніе, «доказала свою пригодность»? Эта партія «октябрьской революціи» стояла тогда «на платформѣ совѣтской власти». И с полным правом предсѣдатель суда во время процесса лѣвых с.-р. в іюні 1922 г. заявил: лѣвые с.-р. «берут на себя отвѣтственность за октябрьскую революцію и созданіе Ч. К.»

флота». Этим приговором устанавливалась смертная казнь уже и по суду. Это «кровавая комедія хладнокровнаго человѣкоубійства» вызвала яркій протест со стороны лидера социал-демократов-меньшевиков Мартова, обращенный к рабочему классу. На него не получалось однако тогда широких откликов, ибо вся политическая позиція Мартова и его единомышленников в то время сводилась к призыву работать с большевиками для противодѣйствія грядущей контр-революціи¹⁾.

Смертную казнь по суду или в административном порядкѣ, как то практиковала Чрезвычайная Комиссія на территоріи совѣтской Россіи и до сентября 1918 года, т. е. до момента как бы официальнаго объявленія «краснаго террора», далеко нельзя считать проявленіем единичных фактов. Это были даже не десятки, а сотни случаев. Мы имѣем в виду только смерть по тому или иному приговору. Мы не говорим сейчас вовсе о тѣх расстрѣлах, которые сопровождали усмиренія всякаго рода волненій, которых было так много и в 1918 г., о расстрѣлах демонстрацій и пр., т. е. об эксцессах власти, о расправах послѣ октября с финляндскими и себастопольскими офицерами. Мы не говорим о тѣх тысячах, расстрѣланных на территоріи гражданской войны, гдѣ в полной степени воспроизводились в жизни приведенныя выше постановленія, объявленія и приказы о смертной казни.

Позднѣе, в 1919 г., историограф дѣятельности чрезвычайных комиссій Ладис в рядѣ статей (напечатанных ранѣе в Кіевских и Московских «Извѣ-

¹⁾ См. ниже статью «Почему»? Штейнберг вновь вольно или невольно дѣлает хронологическую ошибку, отпуская представленіе трибуналам официальнаго права вынесенія смертных приговоров ко времени учредительскаго движенія правых с.-р., возстанія, организовавшаго Савинковым в Ярославлѣ. По словам бывшаго комиссара юстиціи эти контр-революціонныя выступленія «утвердили власть в необходимости этих приемов принужденія».

стях», а затѣм вышедших отдельной книгой «Два года борьбы на внутреннем фронтѣ») подвел итоги официальных свѣдѣній о разстрѣлах и без стѣсненія писал, что в предѣлах тогдашней совѣтской Россіи (т. е. 20 центральных губерній) за первую половину 1918 г., т. е. за первое полугодіе существованія чрезвычайной комиссіи было разстрѣляно всего 22 человѣка. «Это длилось бы и дальше, — заявлял Лацис, — если бы не широкая волна заговоров и самый необузданный бѣлый террор (!) со стороны контр-революціонной буржуазіи»¹⁾.

Так можно было писать только при полной общественной безгласности. 22 смертных казни! Я также пробовал в свое время производить подсчет разстрѣлянных большевистской властью в 1918 году, при чем мог пользоваться преимущественно тѣми данными, которыя были опубликованы в совѣтских газетах. Отмѣчая, что появлялось в органах, издававшихся в центрѣ, я мог пользоваться только сравнительно случайными свѣдѣніями из провинціальных газет и рѣдкими провинциальными свѣдѣніями из других источников. Я уже указывал в своей статьѣ «Голова Медузы», напечатанной в рядѣ социалистических органов Западной Европы, что и на основаніи таких случайных данных в моей картотекѣ появилось не 22, а 884 карточки!²⁾

¹⁾ Кіевск. «Извѣстія» 17/V' 1919 г.

²⁾ „Justice“ Juin 28, 1923; „La France libre“ 13/VII «Дни» и др. органы. «Здѣсь среди нас много свидѣтелей и участников тѣх событий и тѣх годов, которых касается казенный историограф чрезвычайки» — писал берлинскій «Голос Россіи» (22-го февраля 1922 г.) по поводу заявленія Лациса: «Мы, быть может, так же хорошо, как Лацис, помним, что официально Вечека была создана постановленіем 7-го декабря 1917 г. Но еще лучше мы помним, что «чрезвычайная» дѣятельность большевиков началась раньше. Не большевиками ли был сброшен в Неву послѣ взятія Зимняго Дворца помощник военного министра кн. Туманов? Не главнокомандующій ли большевистским фронтом Му-

Официальная статистика Лациса не считалась с опубликованными ранѣе свѣдѣніями в органѣ самой Всер. Чрез. Комиссіи; напр. в «Еженедѣльникѣ Ч. К.» объявлялось, что Уральской областной Че-Ка за первое полугодіе 1918 г. разстрѣляно 35 человѣк. Что же значит больше разстрѣлов не производилось в то время? Как же совмѣстить тогда с такой совѣтской гуманностью интервье руководителеі ВЧК Держинского и Зака (тѣв. с.-р.), данное сотруднику горьковской «Новой Жизни» 8-го іюня 1918 г., гдѣ заявлялось: по отношенію к врагам «мы на знаем пощады» и дальше говорится о разстрѣлах, которые происходят яко-бы по единогласному постановленію всѣх членов комитета Чрезвычайной Комиссіи. В августѣ в «Извѣстіях» (25-го) появились официальныя свѣдѣнія о разстрѣлах в шести петроградских городах 43 человѣк. В докладѣ члена петроградской Ч. К. Бокія, замѣстителя Урицкаго, на октябрьской конференціи чрезвычайных комиссій Сѣверной Коммуны общее число разстрѣлянных в Петербургѣ с момента переѣзда Всер. Чрез. Комиссіи в Москву, т. е. послѣ 12-го марта, исчислялось в 800 человѣк, в

развѣе отдал на другой день послѣ взятія Гатчины официальный приказ расправляться «на мѣстѣ самосудом» с офицерами, оказывавшими сопротивленіе? Не большевики ли несут отвѣтственность за убійство Духонина, Шингарева и Коконкина? Не по личному ли разрѣшенію Лешина были разстрѣляны студенты братья Гацлаев в Петроградѣ за то лишь, что на плечах у них оказались нашитыя погоны? И развѣ до Вечека не был большевиками создан Военно-Революціонный комитет, который в чрезвычайном порядкѣ потреблял врагов большевистской власти?

Кто повѣрит Лацису, что «всѣ они были в своем большинствѣ из уголовного міра», кто повѣрит, что их было только «двадцать два человѣка?...»

Штейнберг, вспоминая о «великодушіе», которое царило в трибуналах «первой эпохи октябрьской революціи», должен признать, что «итѣ сомнѣній» в том, чтобы «період от марта до конца августа 1918 был період фактического, хотя и не официального террора» (стр. 42).

числѣ которыхъ разстрѣлъ заложниковъ в сентябрѣ не-
числился в 500, т. е. другими словами за указанные
мѣсяцы по истребленію официальныхъ представите-
лей петроградскихъ Ч. К. было разстрѣляно 300 чело-
вѣкъ («Еженедѣльник», № 6). Почему же послѣ этого
не вѣрнуть записи Маргуліеса в дневникъ: «Секре-
тарь датскаго посольства Петеръ рассказывал... как
ему хвастался Урицкій, что подписал в одинъ день 23
смертныхъ приговора»¹⁾. А вѣдь Урицкій был однимъ
изъ тѣхъ, которые стремились «упорядочить» террор...

Можетъ быть вторая половина 1918 г. отличается
от первой лишь тѣмъ, что с этого времени открыто шла
уже кровавая пропаганда террора;²⁾ с этого времени
и рѣи et орби объявляется наступленіе временъ «крас-
наго террора», о которомъ Луначарскій в совѣтѣ рабо-
чихъ депутатовъ в Москвѣ 2-го декабря 1917 г. говорилъ:
«Мы не хотимъ пока террора, мы противъ смертной каз-
ни и эшафота». Противъ эшафота, но не противъ казни
в тайникахъ!»³⁾

Терроръ превращается в разнузданную кровавую
бойню, которая на первыхъ порахъ возбуждаетъ возму-
щеніе даже в коммунистическихъ рядахъ. С первымъ

¹⁾ М. С. Маргуліесъ «Годъ интервенціи» II, 77.

²⁾ В сущности, конечно, проповѣдь шла открыто и
раньше. Кокоткина и Шингарева 6-го января 1918 г., по-
средственно убила не власть, но она объявила партію
к.-д. «внѣ закона». «Стрѣляли матросы и красноармейцы,
но по истинѣ ружья заряжали партійные политики и
журналисты», какъ замѣчаетъ в своей книгѣ Штейнбергъ. Онъ
же приводитъ характерный фактъ, свидѣтельствующій о томъ,
что ростовскій испоконъ в мартѣ 1918 г. обещалъ вопросъ
о поголовномъ разстрѣлѣ лидеров мѣстныхъ меньшевиковъ
и правыхъ с.-р. Для рѣшенія не набралось только большин-
ства голосовъ. («Нравственный ликъ революціи», стр. 42.)

³⁾ Пожалуй, одинъ Радекъ высказался какъ-бы за публич-
ность разстрѣла. Такъ в своей статьѣ «Красный Терроръ»
(Изв. 1918 № 192) онъ пишетъ: ... «пять заложниковъ, взятыхъ
у буржуазіи, разстрѣлянныхъ на основаніи публичнаго при-
говора пленума мѣстнаго Совѣта, разстрѣлянныхъ в при-
сутствіи тысячъ рабочихъ, одобряющихъ этотъ актъ — болѣе
сильный актъ массоваго террора, нежели разстрѣлъ интел-
lectualа по рѣшенію Ч. К. безъ участія рабочихъ масс».

протестомъ еще по дѣлу капитана Шаснаго выступилъ
небезызвѣстный матросъ Дыбенко, помѣстившій в га-
зетѣ «Анархія» слѣдующее достаточно характерное
письмо от 30-го іюля: «Неужели нѣтъ ни одного чест-
наго большевика, который публично заявилъ протестъ
противъ возобновленія смертной казни? Жалкіе тру-
сы! Они боятся открыто подать свой голосъ — голосъ
протеста. Но если есть хоть одинъ еще честный социа-
листъ, онъ обязанъ заявить протестъ передъ міровымъ про-
летаріатомъ... мы не повинны в этомъ позорномъ актѣ
возобновленія смертной казни и в знакъ протеста вы-
ходимъ изъ рядовъ правительственныхъ партій. Пусть
правительственные коммунисты послѣ нашего заяв-
ленія-протеста ведутъ насъ, тѣхъ, кто боролся и борется
противъ смертной казни, на эшафотъ, пусть будутъ и
нашими гильотинщиками и палачами». Справедли-
вость требуетъ сказать, что Дыбенко векорѣ же отка-
зался отъ этихъ «сентиментальностей», по выраженію
Луначарскаго, а черезъ три года принималъ самое дѣ-
ятельное участіе в разстрѣлахъ в 1921 г. матросовъ при
подавленіи возстанія в Кронштадтѣ. «Миндальни-
чать съ этими мерзавцами не приходится»¹⁾. И в пер-
вый же день было разстрѣляно 300. Раздались позже
и другіе голоса. Они также умолкли. А творцы терро-
ра начали давать теоретическое обоснованіе тому,
что не поддается моральному оправданію...

Извѣстный большевикъ Рязановъ, единственный, вы-
ступившій противъ введенія института смертной казни
формально в новый уголовный кодексъ, разработанный
совѣтской юриспруденціей в 1922 г., в ленинскіе дни
пріѣзжалъ в Бутырскую тюрьму и рассказывалъ социа-
листамъ, что «вожди» пролетаріата с трудомъ удержи-
ваютъ рабочихъ, рвавшихся къ тюрьмѣ послѣ покушенія
на Ленина, чтобы отомстить и расправиться съ «социа-
листами-предателями». Я слышалъ то же при допросѣ
в сентябрѣ от самого Дзержинскаго и от многихъ дру-
гихъ. Любители и знатоки виѣшнихъ инсценировокъ ны-

¹⁾ Рев. Россія, № 16.

тались создать такое впечатлѣніе, печатая заявления разных групп с требованіем террора. Но это обычная инсценировка никого обмануть не может, ибо это только своего рода агитаціонные приемы, та демагогія, на которой возрасла и долго держалась большевистская власть. Но дирижерской палочкѣ принимают эти фальсифицированныя, но запоздалыя, однако постановленія — запоздалыя, потому что «красный террор» объявлен, все лозунги даны на митингах ¹⁾, в газетах, плакатах и резолюціях и их остается лишь просто повторять на мѣстах. Слишком уже общи и привычны лозунги, под которыми происходит расправа: «Смерть капиталистам», «смерть буржуазіи». На похоронах Урицкаго уже болѣе конкретные лозунги, болѣе соотвѣтствующие моменту: «За каждого вождя тысячи ваших голов», «пуля в грудь всякому, кто враг рабочаго класса», «смерть наемникам англо-французскаго капитала». Дѣйствительно кровью отзывается каждый лист тогдашней большевистской газеты. Напр., по поводу убійства Урицкаго петербургская «Красная Газета» пишет 31-го августа: «За смерть нашего борца должны заплатить тысячи врагов. Довольно миндаляничать... Зададим кровавый урок буржуазіи... К террору, живых... смерть буржуазіи — пусть станет лозунгом дня». Та же «Красная Газета» писала по поводу покушенія на Ленина 1-го сентября: «Сотнями будем мы убивать врагов. Пусть будут это тысячи, пусть они захлебнутся в собственной крови. За кровь Ленина и Урицкаго пусть прольются потоки крови — больше крови, столько, сколько возможно» ²⁾. «Пролетаріат отвѣтит на пораненіе Ленина так, — писали «Извѣстія», — что вся буржуазія содрогнется от ужаса». Никто

¹⁾ В Москвѣ, напр., во всѣх районах устраиваются митинги о красном террорѣ, на которых выступают Каменев, Вухарин, Свердлов, Луначарскій, Крыленко и др.

²⁾ Не имѣя под руками подлинника, беру эту цитату в переводѣ.

иной, как сам Радек, пожалуй, лучший совѣтскій публицист, утверждал в «Извѣстіях» в специальной статьѣ, посвященной красному террору (№ 190), что красный террор, вызванный бѣлым террором, стоит на очереди дѣя: «Уничтоженіе отдѣльных лиц из буржуазіи, поскольку они не принимают непосредственно участія в бѣлогвардейском движеніи, имѣет только значеніе средства устрашенія в момент непосредственной схватки, в отвѣт на покушенія. Понятно, за всякаго совѣтскаго работника, за всякаго вождя рабочей революціи, который падет от руки агента контр-революціи, послѣдняя расплатится десятками голов». Если мы вспомним крылатую фразу Ленина: пусть 90 % русскаго народа погибнет, лишь бы 10 % дожили до міровой революціи, — то поймем в каких формах рисовало воображеніе коммунистов эту «красную мечь»: «гимн рабочаго класса отнынѣ будет гимн ненависти и мести» — писала «Правда» (№ 185).

«Рабочій класс совѣтской Россіи поднялся» — гласит воззваніе губернскаго военнаго комиссара в Москвѣ 3-го сентября — и грозно заявляет, что за каждую каплю пролетарской крови... да прольется поток крови тѣх, кто идет против революціи, против совѣтов и пролетарских вождей. За каждую пролетарскую жизнь будут уничтожены сотни буржуазных сынков бѣлогвардейцев... С нынѣшняго дня рабочій класс (т. е. губернскій военный комиссар г. Москвы) объявляет на страх врагам, что на единичныи бѣлогвардейскій террор, он отвѣтит массовым, безошадным, пролетарским террором». Впереди всѣх идет сам Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитет, принявшій в засѣданіи 2-го сентября, резолюцію: «Ц. И. К. дает торжественное предостереженіе всѣм холопам россійской и союзной буржуазіи, предупреждая их, что за каждое покушеніе на дѣятелей совѣтской власти и носителей идей социалистической революціи будут отвѣчать всѣ контр-революціонеры и всѣ вдохновители их». На

бѣлый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочих (?) и крестьяне (?) отвѣтит: «массовым красным террором против буржуазии и ея агентов».

В полном соответствии с постановлением этого высшего законодательного органа 5-го сентября издается постановление совѣта народных комиссаров в видѣ специального одобренія дѣятельности Ч. К., по которому «подлежат разстрѣлу все лица, прикосновенныя къ бѣлогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Народным комиссаром внутренних дѣл Петровским одновременно разослан всем совѣтам телеграфный приказ, которому суждено сдѣлаться историческим и по своей терминологии и по своей санкціи всякаго возможнаго произвола. Он помѣщен был в № 1 «Еженедѣльника» под заголовком: «Приказ о заложниках» и гласил:

«Убийство Володарскаго, убійство Урицкаго, покушеніе на убійство и раненіе председателя совѣта народных комиссаров Владиміра Ильича Ленина, массовые, десятками тысяч разстрѣлы наших товарищей в Финляндіи, на Украинѣ и, наконец, на Дону и в Чехо-Словакии, постоянно открываемые заговоры в тылу наших армій, открытое признаніе правых эсэров и прочей контр-революціонной сволочи в этих заговорах, и в то же время чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессій и массовых разстрѣлов бѣлогвардейцев и буржуазии со стороны совѣтов, показывает, что, несмотря на постоянныя слова о массовом террорѣ против эсэров, бѣлогвардейцев и буржуазии, этого террора на дѣлѣ нѣтъ.

С таким положеніем должно быть рѣшительно покончено. Расхлябанности и мнидальничанію должен быть немедленно положен конец. Все известныя мѣстным совѣтам правые эсэры должны быть немедленно арестованы. Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительныя количества заложников. При малѣйших попытках сопротивленія или малѣйшем движеніи в бѣлогвардейской средѣ должен приниматься (?) безоговорочно массовый разстрѣл.

Мѣстные губисполкомы должны проявлять в этом направленіи особую инициативу.

Отдѣлы управленія через милицію и чрезвычайныя комиссіи должны принять все мѣры къ выясненію и аресту всех, скрывающихся под чуждыми именами и фамиліями лиц, с безусловным разстрѣлом всех замѣшанных в бѣлогвардейской работѣ.

Все означенныя мѣры должны быть проведены немедленно.

О всяких нерѣшительных в этом направленіи дѣлствіях тѣх или иных органов мѣстных совѣтов Завотуправ обязан немедленно донести народному комиссаріату Внутренних Дѣл. Тыл наших армій должен быть, наконец, окончательно очищен от всякой бѣлогвардейщины и всех подлых заговорщиков против власти рабочаго класса и бѣднѣйшаго крестьянства. Ни малѣйших колебаній, ни малѣйшей нерѣшительности в примѣненіи массоваго террора.

Полученіе означенной телеграммы подтвердите передать уѣздным совѣтам».

А центральный орган В. Ч. К. «Еженедѣльник», долженствовавшій быть руководителем и проводником идей и методов борьбы чрезвычайной комиссіи, в том же номерѣ писал «К вопросу о смертной казни»: «Отбросим все длинныя, безплодныя и праздыя рѣчи о красном террорѣ... Пора, пока не поздно, не на словах, а на дѣлѣ провести самый безпощадный, строго организованный массовый террор»...

Послѣ знаменитаго приказа Петровскаго едва ли даже стоит говорить на тему о «рабочем классѣ», выступающем мстителем за своих вождей, и о гуманности цѣлей, которыя яко-бы ставили себя Дзержинскій и другіе при организациі так называемых Чрезвычайных Комиссій. Только полная безотвѣтственность большевистских публицистов позволяла, напр., Радеку утверждать в «Извѣстіях» 6-го сентября, что «если бы не увѣренность рабочих масс в том, что рабочая власть сумѣет отвѣтить на этот удар, то мы

имѣли бы на-лицо массовый погром буржуазин». Какое в действительности может имѣть значеніе заявленіе пѣких коммунистов Витебской губ., требовавших 1000 жертв за каждаго совѣтскаго работника? или требованіе коммунистической ячейки какого-то автопѣзда — за каждаго павнаго разстрѣлять 100 заложников, за каждаго краснаго 1000 бѣлых, или заявленіе Комячейки Западной Областной Чрезвычайной Комиссiи, требовавшей 13-го сентября «стереть с лица земли гнусных убійц», или резолюціи красноармейской части охраны Острогородской Ч. К. (23-го сентября): «За каждаго нашего коммуниста будем уничтожать по сотням, а за покушеніе на вождей тысячи и десятки (!) тысяч этих паразитов». Мы видим, как по мѣрѣ удаленія от центра, кровожадность Ч. К. увеличивается — начали с сотен, дошли до десятков тысяч. Повторяются лишь слова гдѣ-то сказанныя; но и эти повторенія, насколько они официально опубликовывались, идут в сущности почти исключительно от самих чекистов.

«Наш террор был вынужден, это террор не Ч. К., а рабочаго класса» — вновь повторял Каменев 31-го декабря 1919 г. «Террор был навязан Антантой» — заявляя Ленин на седьмом сѣздѣ совѣтов в том же году. Нѣтъ, это был террор именно Ч. К. Вся Россія покрылась сѣтью чрезвычайных комиссiй для борьбы с контр-революціей, саботажем и спекуляціей. Не было города, не было волости, гдѣ не появлялись бы отдѣленія всепильной всероссійской Чрезвычайной Комиссiи, которая отнынѣ становится основным нервом государственнаго управления и поглощает собой послѣдніе остатки права. Сама «Правда», официальный орган центрального комитета коммунистической партіи в Москвѣ, должна была замѣтить 18-го октября: «вся власть совѣтам» смѣняется лозунгом: «вся власть чрезвычайкам».

Уѣздныя, губернскія, городскія (на первых порах волостныя, сельскія и даже фабричныя) чрезвычайныя комиссiи, желѣзнодорожныя, транспортныя и пр.

Фронтовыя или «особые отдѣлы» Ч. К. по дѣлам, связанным с арміей. Наконец, всякаго рода «военно-полевые», «военно-революціонныя» трибуналы и «чрезвычайныя» штабы, «карательныя экспедиціи и пр. и пр. Все это объединяется для осуществленія краснаго террора. Плостонскій, автор книги: «Der Blutransch des Bolschewismus» (Берлин) насчитал в одном Кіевѣ 16 самых разнообразных Чрезвычай. Комиссiй, из которых каждая выносила самостоятельныя смертныя приговоры. В дни массовых разстрѣлов эти «бойни», фигурировавшія во внутреннем распорядкѣ Ч. К. под простыми №№, распределяли между собой совершеніе убійств.

III. Кровавая статистика.

«На развалинах стараго — построим новое».

«Мечем не меч, а мир несем мы міру».

Чрезвычайныя комиссiи — это органы не суда, а «безопасной расправы» по терминологіи центрального комитета коммунистической партіи.

Чрезвычайная комиссiя «это не слѣдственная комиссiя, не суд, и не трибунал» — опредѣляет задачи Ч. К. сама чрезвычайная комиссiя. «Это орган боевой, дѣйствующій по внутреннему фронту гражданскій войны. Он врага не судит, а разит. Не милует, а истребляет всякаго, кто по ту сторону баррикад».

Не трудно представить себѣ, как должна была в жизни твориться эта «безопасная расправа», раз дѣйствует вмѣсто «мертваго кодекса» законов, лишь «революціонный опыт» и «совѣсть». Совѣть субъективна. И опыт неизбѣжно замѣняется произволом, который пріобрѣтает вопіющія формы в зависимости от состава исполнителей.

«Мы не ведем войны против отдельных лиц — писал Ладис в «Красном Терроре» 1 ноября 1918 г.¹⁾ «Мы истребляем буржуазию, как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действительно делал или делал в прошлом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом смысл и «сущность красного террора»²⁾.

Не сказано ли подобной инструкцией судьям действительно все?

Однако, чтобы понять, что такое в действительности красный террор, продолжающийся с неослабевающей энергией и до наших дней, мы должны прежде всего заняться выяснением вопроса о количестве жертв. Тот небывалый размах убийств со стороны правящих кругов, который мы видим в России, характеризует нам и всю систему применения «красного террора».

Кровавая статистика в сущности пока не поддается учету, да и вряд ли когданибудь будет исчислена. Когда публикуется, может быть, лишь одна сотая разстрелянных, когда смертная казнь творится в тайниках казематов, когда гибель человека подчас не оставляет никакого следа — нет возможности и историку в будущем восстановить подлинную картину действительности.

В упомянутых выше статьях Ладис в свое время писал: «наш обыватель и даже товарищеская среда пребывает в уверенности, что Ч. К. несет с собой

¹⁾ То же в «Ежедневнике Чрез. Комисс. Казань» № 1 в «Правде» 25-го декабря.

²⁾ Ладис отнюдь не был оригинален, копируя лишь слова Робеспьера в Конвенте по поводу прерияльского закона о массовом терроре: «чтобы казнить врагов отечества, достаточно устанавливать их личность. Требуется не наказание, а уничтожение их».

десять и сотни тысяч смертей». Это действительно так: недаром в общежитии начальная буква В. Ч. К. читаются «всякому человеку капут». Ладис, приводя ту фантастическую цифру 22, о которой мы уже говорили¹⁾, насчитывает за вторую половину 1918 г. 4½ тысячи разстрелянных. «Это по всей России», т. е. в пределах 20 центральных губерний. «Если можно обвинить в чемнибудь Ч. К. — говорит Ладис — то не в излишней ревности к разстрелятам, а в недостаточности применения высшей меры наказания». «Строгая железная рука уменьшает всегда количество жертв. Эта истина не всегда имела в виду чрезвычайными комиссиями. Но это можно ставить не столько в вину Ч. К., сколько всей политике советской власти. Мы все время были черезчур мягки, великодушны к победенному врагу!»

Четырех с половиной тысяч Ладису мало! Он легко может убедиться, что его официальная статистика до чрезвычайности уменьшена. По моей картежке насчиталось за это время в тех же территориальных пределах 5004 карточки разстрелянных. Мои данные, как я говорил, случайны и неполны; это преимущественно то, что опубликовывалось в газетах²⁾.

¹⁾ Интересно было бы знать, в какую рубрику и куда отнес Ладис разстрелянных в Ярославле после восстания, организованного в полк Савиных. В выпуске первом «Красной Книжки В. Ч. К.» (и такая есть), распространявшейся только в ответственных коммунистических кругах, напечатан был, действительно, «безпримечательный» исторический документ. Председатель Германской Комиссии (действовавшей на основании Брестского договора), лейтенант Балк приказом за № 4, 21-го июля 1918 г., объявлял гражданам населению города Ярославля, что ярославский отряд Северной Добровольческой Армии сдался вышеозначенной Германской Комиссии. Сданные были выданы большевистской власти и в первую очередь 428 из них были разстреляны.

²⁾ У меня не было, напр., сведений даже об известном разстрелье 12 с.-р. в Астрахани 5-го сент. 1918 г. после августовского местного восстания. Рев. Рос. № 16—18.

При лаконизмѣ официальныхъ отбѣтокъ иногда затруднительно было рѣшать вопросъ о цифрѣ. Напримеръ: уѣздная Клинская (Моск. губ.) чрезвычайная коммиссія извѣщала, что ею разстрѣляно нѣсколько контр-революціонеровъ; Воронежская Ч. К. сообщала, что среди арестованныхъ «много разстрѣляно»; Сестрорѣцкой Ч. К. (петербургской) производились «разстрѣлы послѣ тщательнаго разслѣдованія в каждомъ случаѣ». Такими укороченными сообщеніями пестрятъ газеты. Мы брали в такихъ случаяхъ коэффициентъ, 1 или 3, т. е. цифру значительно уменьшенную.

Надо имѣть в виду, что из этой кровавой статистики совершенно исключались свѣдѣнія о массовыхъ убійствахъ, сопровождавшихъ подавленія всякаго рода крестьянскихъ и иныхъ возстаній. Жертвы этихъ «экцессовъ» гражданской войны не могутъ быть вовсе уже исчислены.

Мои цифры имѣютъ показательное значеніе только в томъ смыслѣ, что ясно отгѣняютъ безконечную преуменьшенность официальной статистики, приведенной Лацисомъ.

Постепенно расширяются предѣлы совѣтской Россіи, расширяется и территория «гуманной» дѣятельности чрезвычайныхъ коммиссій. В 1920 г. (Извѣстія, 8-го февраля) Лацис далъ уже пополненную статистику, по которой число разстрѣлянныхъ в 1918 г. у него достигало 6185 человекъ. Причислилъ ли сюда Лацисъ тѣ тысячи, которыя были, напр., разстрѣяны в 1918 году в Сѣверо-Восточной Россіи (Пермская губ. и др.), о которыхъ говорятъ и такъ много всѣ рѣшительно англійскія донесенія¹⁾.

«В британское консульство продолжаютъ являться люди всѣхъ классовъ, главнымъ образомъ, крестьяне, чтобы засвидѣтельствовать убійство своихъ родственни-

¹⁾ Livre blanc; Interim Report of the Committee to collect information on Russia 1920; Report of the committee to collect information on Russia 1921.

ков и другія насилія, совершенныя большевиками в неистовствѣ»... (Элиот — Керзону 21 марта 1919 г.). Причислены ли сюда жертвы «офицерской» бойни в Кіевѣ в 1918 г.? Ихъ исчисляютъ в 2000 человекъ! Разстрѣливали и рубили прямо в театрѣ, куда военные были вызваны для «провѣрки документовъ». Причислены ли сюда жертвы одесской бойни морскихъ офицеровъ до прихода австрійскихъ войскъ? «Позже, — сообщаетъ одинъ англійскій священникъ, — членъ австрійскаго штаба говорилъ мнѣ, что имъ доставили списокъ свыше 400 офицеровъ, убитыхъ в Одесскомъ округѣ!»¹⁾ Причислены ли сюда тѣ 1342 человекъ, убитые в январѣ-февралѣ 1918 г. в Армавирѣ, какъ выяснила коммиссія по разслѣдованію дѣяній большевиковъ, организованная по распоряженію ген. Деникина?²⁾ Наконецъ, гекатомбы Ставрополя, о которыхъ рассказываетъ в своихъ воспоминаніяхъ В. М. Краснов — разстрѣлы 67, 96 и т. д.?³⁾ Не было мѣста, гдѣ появленіе большевиковъ не сопровождалось бы десятками и сотнями жертвъ, разстрѣлянныхъ по приговорамъ чрезвычайной коммиссії или аналогичныхъ временныхъ «революціонныхъ» трибуналовъ⁴⁾.

Продолжая вести свою кровавую статистику, Лацисъ утверждаетъ, что в 1919 году по постановленіямъ Ч. К. разстрѣляно 3456 человекъ, т. е. всего за два года 9641, изъ нихъ контр-революціонеровъ 7068. Нужно

¹⁾ Livre blanc. ст. 136.

²⁾ Дѣло № 56.

³⁾ Архив Революціи, VIII, 159.

⁴⁾ Съ обычнымъ цинизмомъ одесскія «Извѣстія» писали в апрѣлѣ 1919 г.: «Карась любитъ, чтобы его жарили в сметанѣ. Буржуазія любитъ власть, которая свирѣпствуетъ и убиваетъ. Хорошо... С омерзеніемъ (!) в душѣ мы должны взяться за приведеніе буржуазіи в чувство сильно-дѣйствующимъ средством. Если мы разстрѣляемъ нѣсколько десятковъ этихъ негодяевъ и глупцовъ, если мы заставимъ ихъ чистить улицы, а ихъ женъ мыть красноармейскія казармы (честь небольшая для нихъ), то они поймутъ тогда, что власть у насъ твердая, а на англійчанъ и готтентотовъ падѣяться нечего».

запомнить, что по признанию самого Ладиса таким образом выходит, что болѣе 2½ тысяч разстрѣляно не за «буржуазность», даже не за «контр-революцію», а за обычные преступления (632 преступления по должности, 217 — спекуляція, 1204 — уголовныя дѣянія). Этим самым признается, что болшевики ввели смертную казнь уже не в качествѣ борьбы с буржуазіей, как определенным классом, а как общую мѣру наказанія, которая ни в одном мало-мальски культурном государствѣ не примѣняется в таких случаях.

Но оставим это в сторонѣ. Всероссійской чрезвычайной комиссіей, по данным Ладиса, разстрѣляно в сентябрѣ 1919 г. 140 человек, а между тѣм в это время в Москвѣ ликвидировано было контр-революціонное дѣло, связанное с именем извѣстнаго общественнаго дѣятеля Н. Н. Щепкина. В газетах опубликовано было 90 фамилій арестованных, но по признанию самих болшевиков разстрѣляно было по этому дѣлу болѣе 150. В Кроштадтѣ, по авторитетному свидѣтельству, были разстрѣяны в июлѣ 19 г. от 100—150 человек; опубликовано было лишь 19. — На Украинѣ, гдѣ свирѣпствовал сам Ладис, разстрѣяны были тысячи. Опубликованный в Англии отчет сестер милосердія русскаго Краснаго Креста для доклада международному Красному Кресту в Женевѣ, насчитывает в одном Кіевѣ 3000 разстрѣлов¹⁾.

Колоссальные итоги Кіевских разстрѣлов подводит автор упомянутой уже книги «Der Blutansch des Bolschewismus» Нилостонскій. Надо сказать, что автор проявляет вообще большую освѣдомленность по дѣятельности всѣх 16 кіевских чрезвычайных комиссій — она сказывается уже в точной регистраціи и подробном топографическом их описаніи. Автор помимо непосредственных наблюденій пови-

тому пользовался матеріалами, добытыми комиссіей по разслѣдованію дѣяній болшевиков ген. Рёрберга¹⁾. Комиссія эта также состояла отчасти из юристов и врачей. Она фотографировала трупы из разрытых могил (часть фотографій приведена в книгѣ Нилостонскаго, остальная большая часть — говорит автор — находится в Берлинѣ). Он утверждает, что по данным комиссіи Рёрберга разстрѣляно 4500 человек — эти имена удалось установить. Общее число погибших в Кіевѣ при болшевиках, по мнѣнію Нилостонскаго, не менѣе 12 000 человек. Пусть всѣ эти цифры будут неточны, по совокупности онѣ дают руководящую нить.

В Саратовѣ за городом есть страшный овраг — здѣсь разстрѣливают людей. Впрочем, скажу о нем словами очевидца²⁾ из той изумительной книги, которую мы нѣсколько раз цитировали и на которую будем еще много раз ссылаться.

Это книга «Че-Ка», матеріалы о дѣятельности чрезвычайных комиссій, издавшая в Берлинѣ партией социалистов-революціонеров (1922 г.). Исключительная цѣнность этой книги состоит в том, что здѣсь собран матеріал иногда из первых рук, иногда в самой тюрьмѣ от потерпѣвших, от очевидцев, от свидѣтелей; она написана людьми, знающими непосредственно то, о чем приходится им говорить. И эти живыя впечатлѣнія говорят иногда больше, чѣм книги сухих бумаг. Многих из этих людей я знаю лично и знаю, как тщательно они собирали свои матеріалы. «Че-Ка» останется навсегда историческим документом для характеристики нашего времени, и при том документом исключительной яркости. Один из саратовцев и дает нам описаніе оврага около Мо-

¹⁾ Оцѣнку этой книги, а равно и других см. в моем обзорѣ «Литература о террорѣ» в сборникѣ «На чужой сторонѣ» № 3.

²⁾ «Из дѣятельности саратовской чрезвычайки». Сборник «Че-Ка».

¹⁾ In the Shadow of Death. Statement of Red Cross sister on the Bolshevist Prisons in Kiew. Архив Революціи VI.

настырской слободки, оврага, гдѣ со временем будет стоять, вѣроятно, памятник жертвам революціи¹⁾.

«Къ этому оврагу, как только стает снѣг, опасливо озираясь, идут группами и в одиночку родственники и знакомые погибших. Вначалѣ за паломничества там же арестовывали, но приходивших было так мно-го... и несмотря на аресты они все-таки шли. Веш-нія воды, размывая землю, вскрывали жертвы ком-мунистическаго произвола. От перекинутого мости-ка, вниз по оврагу на протяженіи сорока-пятидесяти саж. горами навалены трупы. Сколько их? Едва ли кто может это сказать. Даже сама чрезвычайка не знает. За 1918 и 1919 г. было разстрѣляно по спис-кам и без списков около 1500 человек. Но на овраг возили только лѣтом и осенью, а зимой разстрѣли-вали гдѣ-то в других мѣстах. Самые верхніе — раз-стрѣлянные предыдущей поздней осенью — еще поч-ти сохранились. В одном бѣлье, с скрученными ве-ревкой назад руками, иногда в мѣшкѣ или совер-шенно раздѣтые...

Жутко и страшно глядѣть на дно страшнаго овра-га! Но смотрят, напряженно смотрят пришедшіе, разыскивая глазами хоть какой либо признак, по которому бы можно было узнать труп близкаго чело-вѣка...

«... И этот овраг с каждой недѣлей становится страшнѣе и страшнѣе для саратовцев. Он поглощает все больше и больше жертв. Послѣ каждаго разстрѣ-ла крутой берег оврага обсыхает, вновь засыпая трупы; овраг становится шире. Но каждой весной вода открывает послѣднія жертвы разстрѣла»...

Что же, все это неправда?

Авербух в своей не менѣе ужасной книгѣ, изда-ной в Кишиневѣ в 1920 г., «Одесская Чрезвычайка» насчитывает 2200 жертв «краснаго террора» в Одессѣ за три мѣсяца 1919 г. (красный террор) был объявлен

¹⁾ Че-Ка «Из дѣятельности Саратовской чрезвычайки», стр. 197.

большевиками в іюль 1919 г., когда добровольческія войска заняли Харьков).

Официальный орган «Одесскія Извѣстія» писал в эти дни террора: «Красный террор пущен в ход. И загуляет он по буржуазным кварталам, затрещит буржуазія, защитит контр-революція под кровавым ударом краснаго террора... Каленым желѣзом бу-дем выгонять их... и самым кровавым образом расправимся с ними». И, дѣйствительно, эта «безпощад-ная расправа» официально объявленная исполко-мом, сопровождалась напечатаніем ряда списков раз-стрѣлянных: — часто без квалификаціи вины: раз-стрѣлян просто на основаніи объявленія «Краснаго террора». Немало их приведено в книгѣ Маргуліеса «Огненные годы»¹⁾.

В мартѣ в Астрахани происходит рабочая забастовка. Очевидцы свидѣтельствуют, что эта забастовка была затоплена в крови рабочих²⁾.

«Десятитысячный митинг мирно обсуждавших свое тяжелое матеріальное положеніе рабочих был оцѣвлен пулеметчиками, матросами и гранатчиками. Послѣ отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок. Затѣм затрещали пулеметы, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглуши-тельным треском начали рваться ручныя гранаты.

Митинг дрогнул, прилег и жутко затих. За пуле-метной трескотней не было слышно ни стога ране-ных, ни предсмертных криков убитых на смерть...

Город обезлюдѣл. Притих. Кто бѣжал, кто спря-тался.

Не менѣе двух тысяч жертв было выхвачено из рабочих рядов.

Этим была закончена первая часть ужасной Астраханской трагедіи.

¹⁾ Эти безсудныя казни вызвали протест рабочих. Ми-тинги были разогнаны с помощью «военной части и за-прещены» (Маргуліес, 279).

²⁾ Че-Ка «Астраханскіе разстрѣлы», стр. 251, 253.

Вторая — еще больше ужасная — началась с 12-го марта. Часть рабочих была взята «победителями» в плъби и размъщена по шести комендатурам, по баржам и пароходам. Среди последних и выдълился своими ужасами пароход «Гоголь». В центр полетъли телеграммы о «возстаніи».

Председатель Рев. Воен. Сов. Республики Л. Троцкій дал в отвѣтъ законническую телеграмму: «расправиться безпощадно». И участь несчастных плъбинных рабочих была ръшена. Кровавое безуміе прило на сушъ и на водъ.

В подвалах чрезвычайных комендатур и просто во дворах разстръливали. С пароходов и барж бросали прямо в Волгу. Нъкоторым несчастным привязывали камни на шею. Нъкоторым визали руки и ноги и бросали с борта. Один из рабочих, оставшійся незамъченным в трюмъ, гдъ-то около машины и оставшійся в живых рассказывал, что в одну ночь с парохода «Гоголь» было сброшено около ста восьмидесяти (180) человекъ. А в городъ в чрезвычайных комендатурах было так много разстрълианных, что их едва успъвали свозить почам на кладбище, гдъ они грудами сваливались под видом «тифозных».

Чрезвычайный комендант Чугунов издал распоряженіе, которым под угрозой разстръла воспрещалось растериваніе трупов по дорогъ к кладбищу. Почти каждое утро вставшіе астраханцы находили среди улиц полураздътых, залитых кровью застрълианных рабочих. И от трупа к трупу, при свѣтѣ брезжившаго утра живые размескивали дорогих мертвецов.

13-го и 14-го марта разстръливали по прежнему только одних рабочих. Но потом власти, должно быть, спохватились. Вдъ нельзя было даже свалить вину за разстрълы на возставшую «буржуазію». И власти ръшили, что «лучше поздно, чъм никогда». Чтобы хоть чъм нибудь замаскировать наготу расправы с астраханским пролетаріатом, ръшили взять пер-

вых понавших под руку «буржуев» и расправиться с ними по очень простой схемѣ: брать каждаго домовладъльца, рыбопромышленника, владъльца мелкой торговли, заведенія и разстръливать...»

«К 15 марта едва ли было можно найти хоть один дом, гдъ бы не оплакивали отца, брата, мужа. В нъкоторых домах исчезло по нъсколько человекъ.

Точную цифру разстрълианных можно было бы возстановить поголовным допросом граждан Астрахани. Сначала называли цифру двъ тысячи. Потом три... Потом власти стали опубликовывать сотнями списки разстрълианных «буржуев». К началу апръли называли четыре тысячи жертв. А репрессіи все не стихали. Власть ръшила очевидно отомстить на рабочих Астрахани за всѣ забастовки, и за Тульскія, и за Брянскія и за Петроградскія, которыя волной прокатились в мартъ 1919 года. Только к концу апръля разстрълы начали стихать.

Жуткую картину представляла Астрахань в это время. На улицах — полное безлюдье. В домах потоки слез. Заборы, витрины и окна правительственных учреждений были заклеены приказами, приказами и приказами...»

Возьмем отдаленный от центра Туркестан, гдъ в январъ произошло возстаніе русской части населенія против деспотическаго режима, установленнаго большевиками. Возстаніе было подавлено. «Начались массовые повальные обыски» — рассказывают очевидцы¹⁾. «Всѣ казармы, всѣ желъзнодорожныя мастерскія были переполнены арестованными. В ночь с 20-го на 21-го января были произведены массовые разстрълы. Груды тъл были навалены на желъзнодорожное полотно. В эту страшную ночь было перебито свыше 2500 человекъ... 23-го января был организован военно-полевой суд, в вѣдѣніе котораго

1) «Воля Россіи» 7/XII 1921 г.; «Рев. Россія» № 3.

было передано дѣло о январьском возстаніи и который в течение всего 1919 г. продолжал арестовывать и разстрѣливать». Почему Ладис не зачислил этих жертв в свою официальную статистику? Вѣдь в первые дни по крайней мѣрѣ здѣсь дѣйствовали чекисты, да и «военно-полевой суд» — это та же Ч. К., даже по своему составу.

Ни «Правда», ни другіе официальные органы большевистской печати не отвѣтили на вопрос, заданный 20-го мая 1919 г. анархической организацией «Труд и Воля» на основаніи свѣдѣній, появившихся в нелегальном бюллетенѣ дѣввых социалистов-революціонеров (№ 4): «Правда ли, что в послѣдніе мѣсяцы убиваются В. Ч. К. без счета, почти ежедневно, 12, 15, 20, 22, 36 человек?» На это никто и никогда не отвѣтит, потому что это была неподкрашенная правда. И правда, тѣм болѣе рѣжущая глаза, что в это самое время официально было постановлено передать право казни лишь Революціонным Трибуналам. Можно сказать, накануне этого декрета в 20-х числах февраля и Всероссийская и Петроградская Ч. К. опубликовали новые списки разстрѣливаемых, хотя по декрету за Ч. К. оставалось право разстрѣливать только в случаѣ возстанія. Никаких возстаній в это время ни в Москвѣ, ни в Петроградѣ не было.

Не знаю, на основаніи каких данных эсэровская газета «Воля Россіи» (7-го ноября 1920 г.) подсчитывала, что за три первые мѣсяца было разстрѣляно Ч. К. 13 850 человек. Это невѣроятно? Это так не вяжется с официальной цифрой в 3456, которая показана у Ладиса? Думаю, что невѣроятность скорѣе всего в сторону уменьшенія реальной, дѣйствительной цифры.

Московский орган центрального комитета коммунистической партіи «Правда» по поводу опубликованных в Англій данных, утверждавших, что число разстрѣливаемых достигло 138 тысяч, писал 20 марта 1919 года: «было бы дѣйствительно ужасно, если бы

это была правда». Однако, цифра, которая кажется столь фантастичной большевистским публицистам, в дѣйствительности дает лишь блѣдное представление о том, что происходило в Россіи.

Ладис не опубликовывал своей статистики за 1920 г. и за послѣдующіе годы. Не вел и я своей картотеки, ибо сам был на долгое время ввержен в большевистское узнище и надо мною был также занесен меч большевистскаго правосудія.

В февралѣ 1920 г. смертная казнь была вновь отмѣнена. И Зиновьев, выступавшій в Германіи в Галле в октябрѣ 1920 г. рѣшился сказать, что послѣ победы над Деникиным смертная казнь в Россіи прекратилась. Мартов, выступавшій на сѣздѣ нѣмецких независимых 15-го октября, уже тогда внес поправку: Зиновьев забыл сказать, что смертная казнь прекратилась на самое короткое время, (да и прекратилась ли фактически? С. М.) и теперь снова принимается в «ужасающих размѣрах». Мы имѣем полное основаніе выражать сомнѣніе в том, что эти казни прекратились, зная обычаи, господствующіе в Ч. К. Самый наглядный примѣр может дать ознакомленіе с дѣлом амнистіи.

Среди жутких надписей на стѣнах Особого Отдѣла В. Ч. К. в Москвѣ, которыя дѣлали иногда смертники перед казнью, можно было найти и такія: «Ночь отмѣны (смертной казни) — стала ночью крови». Каждая амнистія для тюрьмы обозначала массовые разстрѣлы. Представители Ч. К. стремились поскорѣе покончить со своими жертвами. И бывало, что именно в ту ночь, когда в типографіях уже набиралось объявленіе об амнистіи, должно было появиться на другой день утром в газетах, по тюрьмам производились массовые разстрѣлы. Это слѣдует помнить тѣм, которые указывают на частое

издание актов амнистии советской властью¹⁾. Как тревожны бывали ночи, когда ожидалась амнистия, скажет всякий, кому в это время приходилось коротать свои дни в тюремном заключении. Я помню эти ночи в 1920 г. в Бутырской тюрьме перед амнистией, изданной в годовщину октябрьской революции. Не успевали тогда привозить голые трупы людей, застреленных в затылок, на Калитниковское кладбище. Так было в Москве, так было и в провинции. Автор очерка Екатеринодарской тюрьмы в сборнике «Че-Ка» пишет: «После амнистии в память трехлѣтней годовщины октябрьской революции в Екатеринодарской Чекѣ и Особом Отдѣлѣ обычным чередом шли на разстрѣл и это не помѣшало казненным большевистским публицистам в мѣстной газетѣ «Красном Знамени» помѣщать ряд статей, в которых цинично лгалось о милосердіи и гуманности советской власти, издававшей амнистию и будто бы порою их примѣнявшей ко всем своим врагам»²⁾. Так было и позже. В 1921 г. накануне открытия II конгресса коминтерна в Бутырской тюрьме в одну ночь казнили около 70 человек и все по самым изумительным дѣлам: — за дачу взяток, за злоупотребление продовольственными карточками, за хищения со склада и так далѣе. Политическіе говорили, что это

¹⁾ А. В. Пѣшехову в своей брошюрѣ «Почему я не эмигрировал?», мнѣ кажется, слѣдовало бы быть осторожнѣе в своих оговорках, смягчающих большевистскую дѣятельность. «Как ни жестоки большевики, — пишет он на стр. 8, — но надо отдать им справедливость, осужденные в большинствѣ случаев не так уж долго томится в их тюрьмах — во всяком случаѣ гораздо меньше, чѣм пишется в их приговорах». Еще бы! Я знаю приговор, присудившій человека к 120 годам заключения! Я знаю приговор Ч. К. (временнаго учреждения, по заявленію большевиков), присудившій человека к пожизненному заключенію. В большевистском «правосудіи» много дѣйствительно дикаго. Но развѣ Пѣшехов не знает, что тысячи годами уже сидят без соотвѣтствующих приговоров за шкелемья вины или даже без вины — просто, как «контр-революционеры» in spe.

²⁾ Че-Ка, стр. 227.

— жертвоприношенія богам коминтерна. А фраера и уголовные радовались. Амнистію готовят. Поэтому, кого надо в сибирском порядкѣ поразстрѣляют, а остальных амнистируют в честь коминтерна¹⁾.

«Ночь отмѣны смертной казни стала ночью крови»... У нас есть достаточное количество свидѣтелей, говорящих, что это именно так и есть. Установилось как бы правило, что время предшествующее періодическим отмѣнам или смягченіям смертной казни становилось временем усиленных массовых казней без всякаго иного внѣшняго повода.

15-го января 1920 г. в «Извѣстіях» за подписью председателя В. Ч. К. Феликса Дзержинскаго было опубликовано слѣдующее постановление, адресованное

«всѣм Губчекам»:

«Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятіе Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятіе в плѣн «Верховнаго Правителя» создают новыя условия борьбы с контр-революціей.

Разгром организованных армій контр-революціи подрывает в корнѣ надежды и расчеты отдѣльных групп контр-революціонеров внутри советской Россіи свергнуть власть рабочих и крестьян путем заговоров, мятежей и террористической дѣятельности. В условиях самообороны советской республики против двинутых на нее Антантой контр-революціонных сил рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибѣгнуть к самым рѣшительным мѣрам подавленія шпионской, дезорганизаторской и мятежнической дѣятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу красной арміи.

Разгром контр-революціи во внѣ и внутри, уничтоженіе крупнѣйших тайных организаций контр-революціонеров и бандитов и достигнутое этим укрѣ-

¹⁾ Там же, стр. 102.

пление совѣтской власти дают нам нынѣ возможность отказаться от примѣненія высшей мѣры наказанія (т. е. расстрѣла) к врагам совѣтской власти.

Революціонный пролетаріат и революціонное правительство совѣтской Россіи с удовлетвореніем констатируют, что взятіе Ростова и плѣненіе Колчака дают ему возможность отложить в сторону оружіе террора.

Только возобновленіе Антантой попыток путем вооруженнаго вмѣшательства или матеріальной поддержки мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положеніе совѣтской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устроению социалистическаго хозяйства может вынудить возвращеніе к методам террора.

Таким образом отнынѣ отвѣтственность за возможное в будущем возвращеніе совѣтской власти к жестокому методу краснаго террора ложится цѣлком исключительно на правительства и правительства существующіе классы стран Антанты и дружественных ей русских капиталистов.

Вмѣстѣ с тѣм Чрезвычайныя Комиссіи получают возможность и обязанность обратить усиленное вниманіе на борьбу с основным нашим для даннаго момента внутренним врагом, с хозяйственной разрухой, со спекуляціей, с преступленіем по должности, содѣйствуя всеми находящимися в их распоряженіи средствами налаживанію хозяйственной жизни и устраняя все препятствія, создаваемые саботажем, недисциплинированностью или злонамѣренностью.

Исходя из вышесказаннаго, В. Ч. К. постановляет:

1. Прекратить с момента опубликованія этого постановленія примѣненіе высшей мѣры наказанія (расстрѣл) по приговорам В. Ч. К. и всѣх ея мѣстных органов.

2. Поручить тов. Дзержинскому войти в совѣтъ народных комиссаров и В. Ц. И. К. с предложеніем

о полной отмѣнѣ примѣненія высшей мѣры наказанія не только по приговорам чрезвычайных комиссій, но и по приговорам городских, губернских, а также Верховнаго при В. Ц. И. К. трибуналов.

3. Постановление это привести в дѣйствіе по телеграфу».

Мы не радовались в Москвѣ, так как хорошо помнили, как всего за год перед тѣм мы читали статьи, провозглашавшія конец террора. Вот, напр., выдержка из статьи нѣкоего Норова в «Веч. Изв.» в Москвѣ 15-го февраля 1919 г. Газета писала по поводу лишенія (!) Ч. К. права самостоятельных расстрѣлов: «Русскій пролетаріат побѣдил. Ему не нужен уже террор, это острое, но опасное оружіе, оружіе крайности. Он даже вреден ему, ибо отпугивает и отталкивает тѣ элементы, которые могли бы пойти за революціей. Поэтому пролетаріат нынѣ отказывается от оружія террора, дѣлая своим оружіем законность и право». (Курсив газеты.)

15-го января 1920 г. сама Ч. К. выступила как бы инициаторшей отмѣны смертной казни. Мы хорошо знаем, что не Ч. К. была инициатором, она всемерно противилась и когда вопрос был все же рѣшен в положительном смыслѣ, Дзержинскій настоял, чтобы формально начало было положено руководимой им Чрезвычайной Комиссіей. Тѣм временем Чека спѣшила расправиться с намѣченными жертвами. Больше 300 человек по нашим свѣдѣніям расстрѣляно было в Москвѣ.

Извѣстная дѣятельница в рядах тѣвых социалистов-революціонеров Измайлович, бывшая в этот день в Бутырской тюрьмѣ, рассказывает: «В ночь перед выходом декрета об уничтоженіи смертной казни по приговорам чрезвычайок... 120 человек увезли из Бутырок и расстрѣляли... Смертники каким то образом узнали о декретѣ, разбѣжались по двору, молили о пощадѣ, ссылаясь на декрет. Сопротив-

ляющихся и покорных — всѣх перебили, как скотину... Эта тризна тоже войдет в исторію!»¹⁾

Сидѣвшій в эти дни в Московской Ч. К. один из авторов статей в сборникѣ «Че-Ка» рассказывает:²⁾

«Уже постановленіе В. Ч. К. было принято, даже отпечатано в новогодних газетах (по ст. ст.), а во дворѣ М. Ч. К. насѣх разстрѣляли 160 человек, оставшихся в разных подвалах, тюрьмах, лагерях. Из тѣх, кого, по мнѣнію Коллегии, нельзя было оставить в живых. Тут погибли в числѣ прочих и уже осужденных трибуналом и половину срока отбывших в лагерѣ, как напр. по дѣлу Локкарта — Хвальинскій, получившій даже в этом жестоком процессѣ только 5 лѣтъ лагеря. Разстрѣливали 13-го и 14-го. В тюремную больницу утром привезли из М. Ч. К. человека с прострѣленной челюстью и раненым языком. Кое-как он объяснил знаками, что его разстрѣливали, но не дострѣляли, и считал себя спасенным, раз его не прикончили, а привезли в хирургическое отдѣленіе больницы и там оставили. Он сіял от счастья, глаза его горѣли и видно было, что он никак не может повѣрить своей удачѣ. Ни имени его, ни дѣла его установить не удалось. Но вечером его с повязкой на лицѣ забрала и прикончили...»

В Петербургѣ наканунѣ отмѣны смертной казни и даже в ближайшую слѣдующую ночь было разстрѣляно до 400 человек. В Саратовѣ 52, как свидѣтельствуется одно частное письмо, и т. д.

Послѣ отмѣны смертной казни в сущности фактически за Чрезвычайными комиссіями было оставлено это кровавое право. Была сдѣлана лукавая оговорка: «Кіевской губ. чека — сообщали, напр., «Извѣстія» 5-го февраля — получено телеграфное разъясненіе председателя В. Ч. К. о том, что постановленіе ЦИК об отмѣнѣ смертной казни не распростра-

¹⁾ «Кремль за рѣшеткой», стр. 112.

²⁾ «Че-Ка». «Тюрьма Всероссийской чрезвычайной комисіи», стр. 147.

няется на мѣстности, подчиненныя фронтам. В этих мѣстностях и революціонными трибуналами право примѣненія высшей мѣры наказанія сохраняется. Кіев и Кіевская губ. входят в полосу, подчиненную фронтам». И с небывалой откровенной циничностью Особый Отдѣл В. Ч. К. разослал 15-го апрѣля председателям Особых Отдѣлов при мѣстных Ч. К. циркуляр слѣдующаго содержанія: «В виду отмѣны смертной казни предлагаем всѣх лиц, которые по числящимся за ними разным преступленіям подлежат высшим мѣрам наказанія, отправлять в полосу военных дѣйствій, как в мѣсто, куда декрет об отмѣнѣ смертной казни не распространяется». И я помню, как одному из нас, арестованных в февралѣ 1920 г. в связи с обвиненіем в контр-революціи, слѣдователем было сказано опредѣленно: здѣсь мы разстрѣлять вас не можем, но можем отправить на фронт, при чем под фронтовой полосой вовсе не подразумѣвалась какая-нибудь территория, гдѣ велась бы активная гражданская война.

Вскорѣ и к этим іезуитским приѣмам Ч. К. не приходилось болѣе прибѣгать (впрочем, я сомнѣваюсь, прибѣгала ли она к ним фактически, ибо раз все творилось втайнѣ, едва ли в этом была необходимость). Как бы забывая об отмѣнѣ смертной казни, сами «Извѣстія» как то сообщили, что с января по май разстрѣляно 521 человек, при чем на долю трибуналов приходилось 176. В связи с событіями русско-польской войны смертная казнь уже официально была восстановлена 24-го мая. Послѣ ее больше уже не отмѣняли. Характерен приказ Троцкаго от 16-го іюня 1920 г., если сравнить его с демагогическими призывами большевикам в 1917 г.:

1. «Всякій негодяй, который будет уговаривать к отступленію, дезертир, не выполнившій боевого приказа — будет разстрѣлян.
2. Всякій солдат, самовольно покинувшій боевой пост — будет разстрѣлян.

3. Всякій, который бросит винтовку или продаст хоть часть обмундирования — будет расстрелян».

... Вѣдь «Всероссійскій сѣзд совѣтов постановил: «возстановленная Керенским смертная казнь на фронтѣ отмѣняется»...¹⁾

Газеты умалчивали о расстрѣлах в чрезвычайных комиссиях, но опубликовывали свѣдѣнія о расстрѣлах, чинимых особыми революціонно-военными трибуналами. И даже эти официальные цифры устрашающи:

С 22-го мая по 22-го іюня	600
іюнь-іюль	898
іюль-август	1183
август-сентябрь	1206

Свѣдѣнія опубликовывались приблизительно через мѣсяц. 17-го октября «Извѣстія», сообщая о 1206 расстрѣлянных за сентябрь, перечисляли и вѣны этих погибших. С точки зрѣнія обоснованія «краснаго террора» они характерны: за шпіонаж — 3, за измѣну — 185, неисполненіе боевого приказа 14, возстанія 65, контр-революцію 59, дезертирство 467, мародерство и бандитизм 160, храненіе и несдача оружія 23, буйство и пьянство 20, должностныя преступленія 181. Простому смертному чрезвычайно трудно бывает подчас разобраться в большевистской юрисдикціи. Напр., в «Извѣстіях» (12-го по-

¹⁾ Конечно, расстрѣлы на фронтах в період гражданской войны фактически происходили постоянно и до приказа Троцкаго. «Простых красноармейцев» расстрѣливали, «как собак» — констатирует г-жа Ларнеа Рейснер, передавая мнѣніе самих красноармейцев, в своем повѣствованіи о событіях в Свияжскѣ в августѣ 1918 г. («Пролет. Рев.» № 18—19, 185). В Свияжскѣ расстрѣляли 27 отвѣтственных коммунистов, бѣжавших из города при наступленіи «бѣлых»; расстрѣляли в цѣлях воздѣйствія на остальную массу.

См. факты 1919 г. в одесском округѣ у Маргуліеса «Огненные годы» 284.

ября) появляются свѣдѣнія, что с февраля по сентябрь 1920 г. в революціонных трибуналах Вохры (войска внутренней службы, т. е. в сущности, в войсках Ч. К.) расстрѣляно 283 человекъ...

Можно потеряться в этой кровавой статистикѣ, ибо кровь не сочится, а льется ручьями, обращающимися в потоки, когда в жизни совѣтской Россіи происходят какія-нибудь осложненія. Осенью 1920 г. происходят в Москвѣ волненія в мѣстных войсках. До нас доходят слухи о массовых расстрѣлах; в заграничной эсэровской печати («Воля Россіи», 21-го ноября) я читал свѣдѣнія о казни 200—300 человекъ. Корреспондент этой газеты насчитывал в одном Петербургѣ расстрѣлянных за 1920 г. 5000 человекъ (осень 1920 г. была временем ликвидаціи возстаній и «заговоров», связанных с наступленіем ген. Юденича). В отчетѣ Одесской чрезвычайной комиссіи с февраля 1920 г. по февраль 1921 г. насчитывается расстрѣлянных 1418 человекъ.

Как ликвидировалась «гражданская война» на Сѣверѣ, мы знаем из очень многих источников. До нас в Москвѣ доходили устрашающія свѣдѣнія о карательных экспедиціях особаго Отдѣла В. Ч. К. во главѣ с Кедровым в Вологдѣ и других мѣстах. Карательныя экспедиціи — это были еще новыя формы как бы выѣздных сессій Особаго Отдѣла В. Ч. К.¹⁾ Кедров, находящійся нынѣ в домѣ сумасшедших, прославился своей исключительной жестокостью. В мѣстных газетах иногда появлялись отчеты об этих карательных поѣздках, дающіе, конечно, только весьма слабое представленіе о сущности (напр. «Во-

¹⁾ А. П. Арсельрод в своей книгѣ: «Das wirtschaftliche Ergebnis des Bolschewismus in Russland», как очевидец, рассказывает о карательном поѣздѣ, курсировавшем в 1919 г. ежедневно по желѣзнодорожной линіи Вологда-Череповец. Карательный отряд преимущественно состоял из латышей и матросов. «Поѣзд» останавливался на какой-нибудь станціи и по своему усмотрѣнію или доносу начинал производить обыски, реквизиціи, аресты и расстрѣлы (стр. 21).

ронежскія Извѣстія» № 179, 12-го августа 1919 г.). В этих отчетах говорилось о сотнях арестованных, о десятках расстрѣланных и пр. во время «административно-оперативной» и «военно-революционной» ревизии. Иногда свѣдѣнія были очень глухи: напр., при Воронежской поѣздкѣ Особого Отдѣла В. Ч. К. во главѣ с Кедровым говорилось, что переосвидѣтельствовано в теченіе нѣскольких дней 1000 офицеров, взято «много заложников» и отправлено в центр.

Также дѣйствовал Кедров и на крайнем сѣверѣ — послѣ него и знаменитый с своей стороны «Эйдук», собственноручно расстрѣливавшій офицеров, казался «гуманным» человѣком. В Архангельских «Изв.» от времени до времени стали появляться списки лиц, к которым комиссія Кедрова примѣняла высшую мѣру наказанія. Вот, напр., список 2-го ноября из 36 человѣк, среди которых и крестьяне, и кооператоры, и бывший член Думы, выборжец Исупов.

Архангельск называется «городом мертвых». Освѣдомленная корреспондентка «Голоса Россіи» (25 марта 1922 г.), бывшая здѣсь в апрѣлѣ 1920 г., «вскорѣ послѣ ухода из города англійских войск» пишет: «Послѣ торжественных похорон пустых красных гробов началась расправа... Цѣлое лѣто город стонал под гнетом террора. У меня пѣт цифр, сколько было убито, знаю, что всѣ 500 офицеров, которым правительство Миллера предложило ѣхать в Лондон по Мурманской жел. дор., а само уѣхало на ледоколѣ, были убиты в первую очередь». Самые главные расстрѣлы шли под Холмогорами. Корреспондент «Рев. Россіи» сообщает: «в сентябрѣ был день красной расправы в Холмогорах. Расстрѣляно болѣе 2000. Все больше из крестьян и казаков с юга. Интеллигентов почти уже не расстрѣливают, их мало» (№ 7). Что значит «крестьян и казаков с юга?» Это означает людей, привезенных с юга и заключенных в концентраціонные лагеря Сѣвера. Чрезвычайныя комиссіи с особой охотой и жестокостью приговаривали к отправкѣ в концентраціон-

ные лагеря Архангельской губерніи: «Это значит, что заключенного посылали на гибель в какой-нибудь дом ужаса». Мы увидим дальше, что в сущности представляли собою эти лагеря. Кто туда попадает, оттуда уже не возвращается, ибо в огромном большинствѣ случаев, они бывають расстрѣляны. Это часто лишь форма сокрытой смертной казни¹⁾.

«На Дону, на Кубани, в Крыму и в Туркестанѣ повторялся один и тот же пріем. Объявляется регистрація или перерегистрація для бывших офицеров, или для каких либо категорій, служивших у «бѣлых». Не предвидя и не ожидая ничего плохого, люди, проявившіе свою лояльность, идут регистрироваться, а их схватывают, в чем они явились, немедленно загоняют в вагоны и везут в Архангельскіе лагеря: В лѣтних костюмчиках из Кубани или Крыма, без полотенца, без кусочка мыла, без смѣны бѣлья, грязные, запылявшіеся, попадают они в Архангельскій климат с очень проблематическими надеждами на возможность не только получить бѣлье и теплую одежду, но и просто извѣстить близких о своем мѣстонахожденіи.

Такой же пріем был примѣнен в Петроградѣ по отношенію к командному составу Балтійскаго флота. Это — тѣ, которые не эмигрировали, не скрывались, не переправились ни к Юденичу, ни к Колчаку, ни к Деникину. Все время они служили соѣтской власти и, очевидно, проявляли лояльность, ибо большинство из них за всѣ четыре года большевизма ни разу не были арестованы. 22-го августа 1921 г. была объявлена какая то перерегистрація, шутка достаточно обычная и не первый раз практикующаяся. Каждый из них, в чем был, со службы заскочил перерегистрироваться. Свыше 300 чел. было задержано. Каждого из них просто приглашали в какую-то комнату и просили подождать. Двое суток ждали они в этой комнатѣ, а потом их вывели,

¹⁾ Че-Ка «Штрихи тюремнаго быта», стр. 119—120.

окружали громадным конвоем, повели на вокзал, усадили в телушки и повезли по разным направлениям, — ничего не говоря. — в тюрьмы Орла, Вологды, Ярославля и еще каких то городов...»

Из длинного списка офицеров, по официальным свѣдѣніям отправленных на сѣвер, никогда нельзя было найти мѣстопробыванія ни одного. И в частных бесѣдах представители Ч. К. откровенно говорили, что их нѣтъ уже в живых.

Вот сцена, зафиксированная «Волей Россіи» (1920, № 14) из расправ Кедрова на сѣверѣ: В Архангельскѣ Кедров, собрав 1200 офицеров, сажает их на баряку вблизи Холмогор и затѣм по ним открываестя очень из пулеметов—«до 600 было перебито!» Вы не вѣрите? Вам кажется это невѣроятным, циничным и бессмысленным? Но такая судьба была довольно обычна для тѣх, кого отправляли в Холмогорскій концентраціонный лагерь¹⁾. Этого лагеря просто на просто не было до мая 1921 г. И в верстах 10 от Холмогор партія прибывших разстрѣливались десятками и сотнями. Лицу, специально ѣздившему для нелегальнаго обследованія положенія заключенных на сѣверѣ, жители окружных деревень называли жуткую цифру 5000 таким образом погибших. И, может быть, это зѣбрство в дѣйствительности в данном случаѣ было гуманно, ибо открытый впоследствии Холмогорскій лагерь, получившій наименованіе «Лагерь смерти», означал для заключенных медленное умирание, в атмосферѣ полной принижженности и насилія.

Человѣческая совѣсть отказывается все-таки вѣрять в эти потоценія на баряках, в XX вѣкѣ возставаивающія извѣстные случаи періода французской революціи. Но об этих баряках современности говорит нам даже не глухая молва. Вот уже второй

¹⁾ «Раздѣвши, убивают на баряках и топят в морѣ» — говорит цитированная выше корреспондентка «Голоса Россіи».

случай, как нам приходится их констатировать. Есть и третье сообщеніе — иѣсколько болѣе поздне: практика оставалась одной и той же. Владимір Войтинскій в своей статьѣ, служащей предисловіем к книгѣ «12 смертников», (суд над социалистами-революціонерами в Москвѣ) сообщает: «В 1921 году большевики отправили на барякъ 600 заключенных из различных Петроградских тюрем в Кронштадт; на глубоком мѣстѣ между Петроградом и Кронштадтом, баряка была пущена ко дну: все арестанты потонули, кромѣ одного, успѣвшаго выласть достигъ Финляндскаго берега...»²⁾

И пожалуй, эти ужасы по крайней мѣрѣ по количеству жертв блѣднѣют перед тѣм, что происходило на югѣ по слѣ окончанія гражданской войны. Крушилась Деникинская власть. Вступала новая власть, и вмѣстѣ с нею шла кровавая полоса уже террора мести, и только мести. Это была уже не гражданская война, а уничтоженіе прежняго противника. Это был акт устрашенія для будущаго. Большевики в Одессѣ в 1920 г. в третій раз. Идут ежедневные разстрѣлы по 100 и больше человек. Труны возят на грузовиках («Рев. Россія», № 6). Большевики в Севастополь: мѣстныя «Извѣстія» (№ 3) печатают и списки первых жертв — их 1634. Корреспондент «Руля», спасшійся оттуда, передает, что Нахимовскій проспект увѣшан трупами (11-го декабря 1920 г.).

Большевики в Екатеринодарѣ. Тюрьмы переполнены. Большинство арестованных разстрѣливается. Екатеринодарскій житель утверждает, что с августа 1920 г. по февраль 1921 г. только в одной Екатеринодарской тюрьмѣ было разстрѣляно около 3000 человек²⁾.

«Наибольшій процент разстрѣлов падает на август мѣсяц, когда был высажен на Кубань Вранге-

¹⁾ «12 смертников», стр. 25.

²⁾ Че-Ка «Кубанская чрезвычайка», стр. 227—228.

левский десант. В этот момент председатель Чеки отдал приказ: «разстрѣлять камеры Чеки». На возвращеніе одного из чекистов Косолапова, что в заключеніи сидит много недопрошенных и из них многие задержаны случайно, за нарушение обязательнаго постановления, воспреещающаго ходить по городу позже восьми часов вечера, — послѣдовал отвѣтъ: «Отберите этих, а остальных пустите всѣх в расход».

Приказ был в точности выполнен. Жуткую картину его выполненія рисует уцѣлѣвшій от разстрѣла гражданин Ракитянской.

«Арестованных из камер выводили десятками» — говорит Ракитянской. «Когда взяли первый десяток и говорили нам, что их берут на допрос, мы были спокойны. Но уже при выходѣ второго десятка обнаружилось, что берут на разстрѣл. Убивали так, как убивают на бойнях скот». Так как с приготовленіем эвакуаціи дѣла Чеки были упакованы и разстрѣлы производились без всяких формальностей, то Ракитянскому удалось спастись. «Вызываемых на убой сираживали, в чем они обвиняются, и в виду того, что задержанных случайно за появленіе на улицах Екатеринодара послѣ установленных 8 часов вечера отдѣляли от всѣх остальных, Ракитянской, обвинявшійся, как офицер, заявил себя тоже задержанным случайно, поздно на улицѣ и уцѣлѣл. Разстрѣлом занимались почти всѣ чекисты с председателем чрезвычайки во главѣ. В тюрьмѣ разстрѣливал Артабеков. Разстрѣлы продолжались цѣлые сутки, нагоняя ужас на жителей прилегающих к тюрьмѣ окрестностей. Всего разстрѣляно около 2000 человек за этот день.

Кто был разстрѣлян, за что разстрѣлян, осталось тайной. Вряд ли в этом отдадут отчет и сами чекисты, ибо разстрѣл, как ремесло, как садизм, был для них настолько обычной вещью, что совершался без особых формальностей...

И дальше шли разстрѣлы. 30-го октября — 84. В ноябрѣ — 100, 22-го декабря — 184. 24-го января

— 210. 5-го февраля — 94. Есть и документы, подтверждающіе эти факты: чрезвычайная Екатеринодарская комиссія уничтожила их перед ревизіей. «Приговоры, в которых ясно говорилось «разстрѣлять», мы находили начками в отхожих мѣстах» — свидѣтельствует тот же очевидец. Да, Ч. К. часто сама уничтожала матеріалы, служащія к ея обвиненію: так было, напр., при захватѣ Тамбова Антоновскими крестьянскими повстанцами. Приведем еще картину Екатеринодарскаго быта из того же періода: «Августа 17—20-го в Екатеринодарѣ обычная жизнь была нарушена подступами к городу высадившагося у станицы Приморско-Актарской десанта Врангеля. Во время паники по приказу особо-уполномоченнаго Артабекова были разстрѣляны всѣ арестованные, как губчека, особаго отдѣла, так и сидящіе в тюрьмах, числом сверх 1600. Из губчека и особаго отдѣла обреченных на избіеніе возили грушами по 100 человек через мост на Кубань и там из пулеметов разстрѣливали вплотную; в тюрьмѣ то же продѣлывали у самых стѣн. Об этом также публиковали. Напечатан список убитых под рубрикой «Возмездіе»; только в списках значится нѣсколько меньше, чѣм на самом дѣлѣ. При безпорядочном бѣгствѣ завоеватели объявили рабочим об их обязанности эвакуироваться с ними; в противном случаѣ, по своем возвращеніи обратно, угрожали всѣх оставшихся повѣсить на телеграфных столбах»¹⁾.

Нечто аналогичное происходит и при эвакуаціи Екатеринослава при опасности, угрожавшей со стороны Врангеля²⁾.

Корреспондент той же «Рев. Россіи» (№ 9), органа социалистов-революціонеров, дает описаніе дѣйствій новой власти в первые мѣсяцы в Ростовѣ на Дону:

¹⁾ «Рев. Россія» № 4.

²⁾ Воспоминанія Арбатова в «Архивѣ Рус. Рев.» XII, 119.

«... грабят открыто и безнаказанно... буржуазии, магазины и главным образом кооперативные склады, убивали и рубили на улицах и в домах офицеров... подожгли на углу Таганрогского проспекта и Темеричкой ул. один военный госпиталь с тяжело ранеными и больными, не имевшими физических сил двигаться, офицерами и сожгли там до 40 человек... Сколько было убито, зарублено всего — неизвестно, но цифра эта во всяком случае не маленькая. Чем больше укреплялась советская власть на Дону, тем ярче вырисовывалась метода ее работы. Прежде всего под подозрение было взято все казачье население. Чрезвычайка, вдохновляемая Петерсом, работала. Чтобы не слышно было выстрелов, два мотора работали непрерывно... Очень часто сам (Петерс) присутствовал при казнях... Разстреливали пачками. Был случай, когда в одну ночь разстрелянных насчитывалось до 90 человек. Красноармейцы говорят, что за Петерсом всегда бегает его сын, мальчик 8—9 лет, и постоянно пристает к нему: «папа, дай я»...

И вновь несчастная Ставропольская губ., где разстреливают жен за то, что не донесли о бегавшем муже, казнят 15—16 летних детей и 60 летних стариков... Разстреливают из пулеметов, а иногда рубят пачками. Разстреливают каждую ночь в Пятигорск, Кисловодск, Ессентуках. Под заголовком «кровь за кровь» печатают списки, где число жертв переваливает уже за 240 человек, а подпись гласит: «продолжение списка слѣдует». Эти убийства идут в отместку за убийство председателя пятигорской Ч. К. Зенцова и военного комиссара Лапина (убиты группой всадников «при проезде в автомобиль») ¹⁾.

Так было через несколько месяцев ликвидации Деникинской власти. За Деникиным последовал Врангель. Здесь жертвы исчисляются уже десятка-

¹⁾ «Рев. Россия» № 7.

ми тысяч. Крым назывался «Всероссийским Кладбищем». Мы слышали об этих тысячах от многих, приехавших в Москву из Крыма. Разстреляно 50.000 — сообщает «За Народ» (№ 1). Другие число жертв исчисляют в 100—120 тысяч. Какая цифра соответствует действительности, мы, конечно, не знаем, пусть она будет значительно ниже указанной! ¹⁾ Неужели это уменьшит жестокость и ужас расправы с людьми, которым в сущности была гарантирована «амнистия» главверхом Фрунзе? Здесь действовал известный венгерский коммунист и журналист Бала Кун, не постыдившийся опубликовать такое заявление: «Товарищ Троцкий сказал, что не придет в Крым до тех пор, пока хоть один контр-революционер останется в Крыму; Крым это — бутылка, из которой ни один контр-революционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то мы быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»

И «подвинули» еще неслыханными массовыми разстрѣлами. Не только разстрѣливали, но и десятками зарубали пачками. Были случаи, когда убивали даже в присутствии родственников.

«Война продолжится, пока в Красном Крыму останется хоть один белый офицер», так гласили телеграммы заместителя Троцкого в Реввоенсовет Сялянского.

Крымская резня 1920—1921 г. вызвала даже особую ревизию со стороны ВЦИК-а. Были допрошены коменданты городов и по свидетельству корреспондента «Руть» (з. VIII, 1921 г.) все они в оправдание представляли телеграмму Бала Куна и его секретаря «Землячки» (Самойлова, получившая в марте

¹⁾ И. С. Шмелев в своем показании лозанскому суду говорит, что разстреляно больше 120 тысяч мужчин, женщин, старцев и детей. Ссылаясь на свидетельство д-ра Шинина, он утверждает, что официальные большевистские сведения в свое время определяли число разстрелянных в 56 тысяч человек...

1921 г. за «особые труды» орден красного знамени)¹⁾, с приказанием немедленно разстрелять всех зарегистрированных офицеров и военных чиновников.

Итак, разстрѣлы первоначально происходили по регистрационным спискам. Очередь при регистраціи — рассказывает очевидец, приславший свои показания в лозаннский суд — была в «тысячи человек». «Каждый слышал подойти первым к... могилѣ...»

«Мѣсяцами шла бойня. Смертоносное таганье пулемета слышалось каждую ночь до утра...»

Первая же ночь разстрѣлов в Крыму дала тысячи жертв: в Симферополѣ 1800 чел., Феодосіи 420, Керчи 1300 и т. д.

Неудобство оперировать такими укомплектованными батальонами сказалось сразу. Как ни мучил расчудок, у некоторых осталось достаточно воли, чтобы бѣжать. Поэтому на будущее назначены были меньшія партіи и в двѣ смѣны за ночь. Для Феодосіи 60 человек, в ночь — 120. Население ближайших к мѣсту разстрѣла домов выселилось: не могло вынести ужаса пытки. Да и опасно — недобитые подползали к домам и стонали о помощи. За сокрытіе сердобольные поплатились головой.

Разстрѣливаемых бросали в старые Генуэзскіе колодцы. Когда же они были заполнены, выводили днем партію приговоренных, яко-бы для отправления в кони, засвѣтло заставляли рыть общія могилы, запирали часа на два в сарай, раздвѣвали до крестика и с наступленіем темноты разстрѣливали.

Складывали рядами. На разстрѣлианных через минуту ложился новый ряд живых «под равнение» и так продолжалось, пока яма не наполнялась до краев. Еще утром приканчивали некоторых разможживаніем головы камнями.

¹⁾ По всем данным, как сообщал в 1922 г. «Голос Россіи», Самойлова была «похищена» в Гурзуфѣ зелеными и убита.

Сколько похоронено полуживых!...

В Керчи устраивали «десант на Кубань»: вывозили в море и топили.

Обезумѣвших жеп и матерей гнали нагайками и иногда разстрѣливали. За «Еврейским кладбищем» в Симферополѣ можно было видѣть разстрѣлианных женщин с грудными младенцами.

В Ялтѣ, Севастополѣ выносили на носилках из лазарета и разстрѣливали. И не только офицеров — солдат, врачей, сестер милосердія, учителей, инженеров, священников, крестьян и т. д.

Когда первые запасы обреченных стали приходиться к концу, началось пополненіе из деревень, хотя там расправа часто происходила на мѣстѣ. В городах были организованы облавы. Напр. в Симферополѣ в результатѣ облавы 19—20-го декабря оказалось задержанными 12.000 человек.

Когда горячка прошла, начали вылавливать по а и к е т а м. Писать их приходилось цѣлыми десятками в мѣсяц, не только служащим, всему населенію от 16 лѣт. Иногда анкеты состоят из 40—50 вопросов. Каждый год вашей жизни освѣщался самыми детальными вопросами. Обращалось вниманіе на происхождение (бывш. сословіе), имущественное положеніе не только опрашиваемого, но его отца, дѣда, дядей и теток. Отношеніе к красному террору, к союзникам, к Польшѣ, к миру с Польшей, сочувствуете ли вы Врангелю, почему не уѣхали с ним и т. д., на все нужно было отвѣтить.

Через двѣ недѣли каждый обязывался придти в Че-Ка, гдѣ еще раз допрашивался слѣдователями, старавшимися сбить нечаянными и бессмысленными вопросами и по выдержаніи искуса получал на руки завѣренную копію анкеты.

За точность свѣдѣній каждый ручался своей голосовой...

За Крымом Сибирь. За Сибирью — Грузія. И

вновь та же картина. Тысячи арестов¹⁾ и сотни разстрѣлов, произведенных закавказской Чекой. Прибывавший из Батума в Константинополь бѣженец передает свои впечатлѣнія корреспонденту «Руля»²⁾ о первых днях занятія большевиками Тифлиса. В первый день город был отдан «на поток и разграбленіе»:

«Наш собесѣдник видѣл в ту же ночь огромную гекатомбу из 300 трупов, сваленных в ужасную кучу у Соборной площади. Всѣ стѣны вокруг были забрызганы кровью, так как казнь, очевидно, была произведена тут же. Тут были и женщины, и мужчины; и старцы, и дѣти; и штатскіе, и офицеры; и грузины, и русскіе; и рабочіе, и богачи».

Здѣсь дѣйствует знаменитый Петерс, усмиритель Сѣвернаго Кавказа Артабеков и не менѣе знаменитый матрос Панкратов. Это один из усмирителей Астрахани, перебравшійся в Баку, гдѣ им была уничтожена на о. Нарген «не одна сотня бакинских рабочих и интеллигентов».

Грузія стала «коммунистической». И неизбежно вслѣд идут возстанія, прекращаемыя по старым испытанным методам. Об этих повстанческих движеніях 1922 г., подавленных красной арміей, писали и большевистскія газеты. О них свидѣлствуют приказы жителям — далеко не новые по своему содержанию:

«Всѣ жители обязаны немедленно сообщить властям и представителям войск имена и фамиліи бандитов, их укрывателей и вообще мѣстонахожденіе всѣх врагов совѣтской власти». (§ 2).

За возстаніями открывается эра заговоров. В газетах списки разстрѣлянных — 15, 91 и т. д. Все это,

1) Рамшвили в бесѣдѣ с редактором «Le peuple» в декабрь 1921 г. считал число арестованных превышающим 5000.

2) «Руль», 14-го апрѣля 1921 г.

конечно, «бывшіе князья, генералы и дворяне» или «бандиты», а в дѣйствительности в огромном количествѣ социалистическая и демократическая интеллигенція, сельскіе учителя, кооператоры, рабочіе и крестьяне¹⁾. Среди «бандитов» числится нѣсколько видных грузинских социал-демократов.

5-го іюля 1923 г. Центр. Ком. грузинских с.-д. обратился к Ц. К. грузинской «коммунистической» партіи и к мѣстному Совѣту «народных комиссаров» с заявленіем, в котором говорится: «С ноября-декабря прошлаго года жертвами ваших палачей пало множество социалистов-рабочих и крестьян... Многія тысячи наших товарищей или вынуждены скрываться в лѣсах, или выселены из предѣлов Грузіи, или томятся в заключеніи...²⁾. Но и этого вам оказалось мало. Теперь вы подвергаете пыткам в подвалах Чека наших арестованных товарищей... В результатѣ безпримѣрных моральных и физических истязаній нѣкоторые из них сошли с ума, другіе сдѣлались на всю жизнь калѣками, третьи умерли. В настоящую минуту в одном лишь Тифлисѣ 700—800 чел. политических арестованных содержится в подвалах Чека и в Метехском замкѣ»...

А внутри Россіи, там, гдѣ кончилась уже давно прямая гражданская война, гдѣ не было даже ея непосредственных откликов? Здѣсь в 1921 г. то же самое. Здѣсь по прежнему разстрѣливаются сотни. Разстрѣливаются не только за заговоры, дѣйствительные и фиктивные, не только за частичныя возстанія и протест против насильническаго режима — разстрѣлы являются по преимуществу актом запоздалой мести или наказаніями за проступки уголовные. Вот, напр., свѣдѣнія о разстрѣлах в одних трибуналах за іюнь: В Москвѣ — 748, Петроград — 216, Харьков — 418, Екатеринодар — 315 и т. д.³⁾.

1) «Дни», 13-го мая 1923 г.; «Соц. Вѣст.» 1923 г. № 5.

2) Ibidem № 15.

3) Випник «Черный Год».

Лѣтом 1921 г. разстрѣляно в Москвѣ 20 врачей по обвиненію в содѣйствіи в освобожденіи от военной службы¹⁾. Вместе с тѣм было арестовано 500 человек, дававших яко-бы врачам взятки, и совѣтскія газеты, публикуя имена разстрѣлянных врачей, добавляли, что и их клиентов ждет та же участь. Очевидец, бывший в то время в Бутырьках, говорит, что «до послѣдней минуты большинство не вѣрило, не могло даже допустить, что их ведут на разстрѣл».

Были разстрѣлы, не менѣе возмущавшіе моральное чувство, напр., разстрѣл по процессу 27 гимназистов в Орлѣ — разстрѣляны были в сущности дѣти (3 человек)²⁾. В Одессѣ послѣ ликвидаціи всероссійскаго комитета помощи голодающим было разстрѣляно 12 человек, причастных к этой организаціи (сообщеніе «Руля»).

Из концентраціоннаго лагеря в Екатеринбургѣ бѣжало 6 человек. Пріѣзжает завѣдующій отдѣлом принудительных работ Уранов, выстраивает офицеров, содержащихся в лагерѣ, и «выбирает» 25 человек для разстрѣла — в назиданіе остальным³⁾.

Осенью в Петроградѣ разстрѣляно 61 человек по дѣлу Таганцевскаго «заговора»⁴⁾. За что разстрѣляли этих людей? Два примѣра дадут ясный отвѣт. Среди других был разстрѣлян проф. Н. И. Лазаревскій, юрист по специальности. В официальной публикаціи (1-го сентября) его вина сказано: «по убѣжденіям сторонник демократическаго строя», «к мо-

¹⁾ Кстати, по словам анархистов, до конца 1921 г. «согласно точным данным» имѣлись свѣдѣнія о разстрѣлѣ 92 толстовцев (главным образом, за отказ от военной повинности). См. «Гоненія на Анархизм в Совѣтской Россіи» (Берлин 1922, стр. 7).

²⁾ Такіе же разстрѣлы были и раньше. Напр., в Москвѣ в 1919 г. разстрѣляно не мало дѣтей «бойскоутов», в 1920 г. даунтенистов — за шпіонаж и пр.

³⁾ «Рев. Россія» № 12/13.

⁴⁾ Дополнительно затѣм были разстрѣлены еще двѣ менѣе численныя группы.

менту сверженія совѣтской власти подготовлял проекты по цѣлому ряду вопросов, как-то а) формы мѣстнаго самоуправленія в Россіи, б) о судьбѣ разнаго рода бумажных денег (русских), в) о формѣ возстановленія кредита в Россіи»... или кн. С. А. Ухтомскій, скульптор: доставлял организаціи для передачи за границу свѣдѣнія о музееином (?) дѣлѣ и доклад о том же для напечатанія в бѣлой прессѣ». Тогда же был разстрѣлян поэт Гумилев, историк Князьков и др.

Правда же, это уже чрезмѣрно! В період грознаго для большевиков возстанія матросов в Кропштадтѣ были разстрѣляны тысячи: по сообщенію «Франкфуртер Цейтунг» в одних войсках Петроградскаго гарнизона с 28-го февраля по 6 марта погибло 2500 человек.

«Эсэровско-меньшевицкій заговор» в Саратовѣ в мартѣ или вѣриѣ «бунт» в связи с продразверсткой хлѣбнаго налога вызывает массовые аресты и массовые разстрѣлы. В официальном сообщеніи опубликовывается 27 разстрѣлов, в дѣйствительности... Мы не знаем этой цифры. Но знаем, что в ожиданіи крестьянскаго возстанія по тюрьмам идут разстрѣлы «заложников» — учителей, инженеров, офицеров, чиновников царскаго времени и т. д.¹⁾

«Возстаніе» желѣзнодорожников в Екатеринославѣ влечет за собой 51 человѣческую жертву. А, может быть, и больше. З. Ю. Арбатов в своих воспоминаніях «Екатеринослав 1917—1922 гг.»²⁾ свидѣтельствует, что число арестованных рабочих простиралось до 200. Из них пятьдесят один были приговорены к немедленному разстрѣлу. «Ночью второго іюня осужденные на двух грузовиках были доставлены к крутому берегу Днѣпра и за их спинами был поставлен пулемет. Как подкошенные, падали

¹⁾ «Рев. Россія» № 11.

²⁾ «Архив Рус. Рев.» XII, 132.

разстрѣлины в воду... Трупы относило течением... Некоторые трупы оставались на берегу... Остальных рабочих потребовала для расправы Всеукраинская Чека в Харьковѣ... Так был подавлен, по отзывам большевиков, «маленький Кронштадт».

«Заговор» в Бійскѣ вызывает болѣе 300 арестов и 18 разстрѣлов, и т. д. и т. д. «Заговор» в Елисаветградѣ (декабрь) из 85 арестованных 55 разстрѣлильных.

На югѣ повсюду еще дѣйствуют повстанцы, так называемые «зеленые», и повсюду свирѣпствует «красный террор». Подавлено «возстаніе» в Екатеринодарѣ 27-28 сентября, и в мѣстных «Извѣстіях» появляется список 104 разстрѣлильных, среди них заштатный епископ, священник, профессор, офицер и казак. Около Новороссійска дѣйствуют повстанцы под руководством ген. Пржевальскаго — Чрезвычайная комиссія Черноморскаго флота разстрѣливает сотнями арестованных повстанцев и так называемых заложников. Идут ежедневныя казни. В Феодосіи раскрыта база «зеленых» — разстрѣляно 3 гимназиста и 4 гимназистки в возрастѣ 15—16 лѣт. По другому дѣлу «зеленых» разстрѣляно 22 (пр.-доц. Пушкарев, Боженко и др.) в Симферополѣ и т. д.

«Къ июлю 1921 г. по тюрьмам Крыма сидѣло свыше 500 заложников за связь с «зелеными», — пишет в своих показаніях тот же свидѣтель по дѣлу Конради. Многие были разстрѣляны, в том числѣ 12—13 женщины (в Евпаторіи — 3 в апрѣлѣ; в Симферополѣ — 5 в ночь на 25 марта по ст. стилю; в Карасубазарѣ—1, и в Севастополѣ—3 или 4 в апрѣлѣ), главная вина которых состояла в том, что они имѣли родственников в горах, или подали хлѣба проходившим в лѣс, часто и не подозрѣвая, что они имѣют дѣло с бѣглецами, принимая их за красноармейцев.

В довершеніе цѣлым селам был предложен ультиматум: «если не вернете ушедших в горы, то будете

спалены». (Деревни Демсрджки, Шумы, Корбек, Саблы и др.). Но ультиматум не был приведен в исполненіе, так как зеленые в свою очередь заявили, что в случаѣ исполненія угрозы, они вырѣжут всѣх коммунистов и их семьи, не только в деревнях, но и в таких городах как Алущта, Симеиз, Судак.

Система заложничества имѣла кровавые результаты в зиму 1921-22 гг. в сѣверных уѣздах Тавріи и Екатеринославщины, во время так называемого «разоруженія деревни». На села (напр. Троицкое, Богдановка, Мелитополь) налагалось определенное количество оружія, которое они должны были сдать в теченіе суток. Количество, значительно превышавшее наличіе. Братлось человек 10—15 заложников. Конечно, деревня не могла выполнить, и заложники разстрѣливались».

Что происходило там, на югѣ, в Области Войска Донскаго, в Кубанской области, показывает обращеніе В. Ч. К. къ населенію Кубанской области и Черноморскаго Побережья за подписью особуполномоченнаго В. Ч. К. по Сѣверному Кавказу К. Ландера и октябрѣ 1920 г.¹⁾

1. Станицы и селенія, которыя укрывают бѣлых и зеленых, будут уничтожены, все взрослое населеніе — разстрѣляно, все имущество — конфисковано.

2. Всѣ лица, оказавшія бандам содѣйствіе — немедленно будут разстрѣляны.

3. У большинства находящихся в горах зеленых осталось в селеніях родственники. Всѣ они взяты на учет и в случаѣ наступленія банд — всѣ взрослые родственники, сражающихся против нас, будут разстрѣляны, а малолѣтніе высланы в центральную Россію.

4. В случаѣ массоваго выступленія отдѣльных сел, станиц и городов — мы вынуждены будем при-

¹⁾ Н. Воронович: «Зеленая книга». Исторія крестьянскаго движенія в Черноморской губ. 1921 г.

мѣнять к этим мѣстам массовый террор: за каждаго убитаго совѣтскаго дѣятеля поплачутся сотни жителей этих сел и станиц...

«Карающая рука совѣтской власти безошадно сметет всѣх своих врагов» — заключало воззваніе.

Усмиряется повстанческое движеніе на Украинѣ. В Проскуровѣ жертв считается 2000. Близ Кіева выступает атаман Тютюник — в Кіевѣ ежедневные расстрѣлы нѣскольких десятков человек...

Возвращаются казаки, бѣжавшіе с родины. Их ждет не амнистія, а кары. Казак Чувилло, вновь бѣжавшій из Биска, передает в русских заграничных газетах, что из партіи в 3500 человек расстрѣляно 894¹⁾.

Были утвержденія, и особенно со стороны иностранцев, побывавших в послѣднее время в Россіи и лишь поверхностно познакомившихся с жизнью страны (напр. Эррио), что будто бы террор в Россіи отошел в прошлое. Такія утвержденія очень мало соотвѣтствуют истинѣ. Если, живя в Россіи, совершенно невозможно было подчас провѣрить тѣ или инія свѣдѣнія, получить точныя цифры, то еще труднѣе это сдѣлать для меня теперь. Допустим заранѣе, что всѣ цифры, появляющіяся в заграничной печати, сильно преувеличены. Напр., всѣ газеты обошло сообщеніе, взятое яко-бы из отчета Комиссаріата внутренних дѣл, которое гласило, что за май 1922 г. было расстрѣляно 2372 чел. При таком сообщеніи можно придти в безумное отчаяніе — вѣдь политической жизни в Россіи просто нѣтъ это поле, лишь усѣянное мертвыми костями: нѣтъ ни протеста, ни возмущенія. Все устало, все припущено и подавлено. И мнѣ хотѣлось бы вѣрить, что в приведенной цифрѣ какая нибудь ошибка.

¹⁾ «Сегодня», 28-го апрѣля 1921 г.

Пусть преувеличены будут и другія отдѣльныя свѣдѣнія, проникающія в свободную заграничную печать: напр., за январь и февраль, по свѣдѣніям будто бы Политическаго Государственнаго Управленія, т. е. Всер. Чрез. Комиссіи, расстрѣляно 262, в Москвѣ в апрѣлѣ 348, в ночь с 7 на 8 мая в Москвѣ 164 (из них 17 духовных лиц), в Харьковѣ за май 187, а в рядѣ городов Харьковской губ. — 209...

Пусть все это будет преувеличено. И тѣм не менѣе величайшим инокритством со стороны все того же Сталина было августовское заявленіе в собраніи московской организациі коммунистической партіи с угрозой возобновить террор. По словам корреспондента «Голоса Россіи», Сталин, оправдывая тогдашнія массовые аресты интеллигенціи, заявлял:

«Наши враги дождутся, что мы вновь будем вынуждены прибѣгнуть к красному террору и отвѣтим на их выступленія тѣми мѣрами, которыя практиковались нами в 1918—1919 гг. Пусть они помнят, что мы приводим в исполненіе наши обѣщанія. А как мы приводим в исполненіе наши предупрежденія — это им должно быть извѣстно по опыту прежних лѣт. И всѣ сочувствующіе нашим политическим противникам обязаны предупредить своих особенно зарвавшихся друзей, перешедших границы дозволеннаго и открыто выступающих против всѣх мѣропріятій правительства. В противном случаѣ они заставят нас взяться за то оружіе, которое мы на время оставили и к которому мы пока не хотѣли бы прибѣгать. Но мы немедленно им воспользуемся, если наши предупрежденія останутся безрезультатны. И на удар из за угла мы отвѣтим открытым жестоким ударом по всѣм нашим противникам, как активным, так и им сочувствующим».

Не было надобности грозить, ибо всѣ еще помнили недавніе расстрѣлы церковно-служителей в связи с дѣлами о протестах против изятія церковных цѣнностей. Трудно представить себѣ болѣе возму-

тительные приговоры, чѣм эти, ибо в сущности протесты были дѣйствительно незначительны. 5-го іюля петроградскій ревтрибунал вынес 11 смертных приговоров по дѣлу 86 членов петроградских церковных общин: среди разстрѣлянных был митрополит петроградскій Веніамин; по майскому процессу 54 церковников в Москвѣ было 12 смертных приговоров. А сколько разстрѣлов по этим дѣлам в провинціи? В Черниговѣ, Полтавѣ, Смоленскѣ, Архангельскѣ — все за простую агитацію против изъятія священных предметов. Наряду с разстрѣлами по церковной «контр-революціи», конечно, продолжают разстрѣлы и по политическим дѣлам, по дѣлам несуществующей уже активной контр-революціи.

Просмотрите комплект «Голоса Россіи» за 1922 г., хотя бы одни отмѣтки из официальных большевистских газет, и вы натолкнетесь на ряд разстрѣлов так называемых «савинковцев» (напр., в Харьковѣ 12 человек), «петлюровцев» (напр., 25 человек 4-го сентября), повстанцев на Сѣверном Кавказѣ 10 человек, в Павлодарѣ (Семипалатинской области) — 10, в Симбирской губ. — 12, 42 (за найденныя возванія Антонова); зеленых в Майкопѣ — 68 человек (в том числѣ женщин и подростков), разстрѣлянных «для устрашенія обнагльвших с наступленіем весны бандитов». Присоединим сюда громкое дѣло «генштабистов» Донской Арміи, по которому лѣтом разстрѣляно два коммуниста, дѣло «нобелев», ряд эмигрантских процессов, убійство с.-р. Шишкина московским революціонным трибуналом больше за то, что подсудимый отказался от показаній суду, «который он не признает, как суд большевистской расправы» — и едва ли признаем тогда преувеличеніем помѣщеніе «Голосом Россіи» замѣтки под заглавіем «вакханалія разстрѣлов», гдѣ перечислялась серія произведенных разстрѣлов. Корреспондент газеты писал из Риги 5-го августа:

«За послѣднюю недѣлю Госполитуправленіе и

ревтрибуналы проявили особенную энергію, вынужденную в рядѣ многочисленных арестов и вынесеніи ряда новых смертных приговоров. Петроградскій ревтрибунал вынес десять смертных приговоров обвиняемым по дѣлу эстонской контрольно-оптационной комиссіи. Саратовскій ревтрибунал приговорил к разстрѣлу двух членов партіи эсер, обвиняемых в организаціи крестьянскаго возстанія в Вольском уѣздѣ. 29-го іюля в Воронежѣ по приговору мѣстнаго ревтрибунала разстрѣляли эсер Шапов. В Архангельскѣ 28-го іюля приведен в исполненіе смертный приговор над 18-ю офицерами, захваченными в плѣн на Сѣверном Кавказѣ, в Закавказьѣ и на Дону. Офицеры эти содержались в концентраціонных лагерях с конца 1920 и начала 1921 гг. Среди разстрѣлянных — генерал Муравьев, полк. Гандурин и др.»

Бѣжавшій в это время за границу через Минск Э. Ю. Арбатов, в своих чрезвычайно ярких воспоминаніях¹⁾, рассказывает о Минскѣ: «На стѣнѣ деревянной лавки, прибитой мелкими гвоздями, висѣлъ список фамилій, под которыми крупно выдѣлялись слова: «кого карает Чека». На ходу глазом схватил я цифру «46»... Мой спутник потянул меня за собой и, оглянувшись назад, скороговоркой приговорил: «У нас здѣсь это не новость... Список мѣняется каждый день... но, если увидят, что вы список читаете, то вас могут взять в Чека... Вот все говорят, что, если среди ваших знакомых нѣтъ врагов совѣтской власти, то вам незачѣм интересоваться этими списками... Разстрѣливают каждый день по нѣскольکو десятков человек!»

А 1923 год?

Вот свѣдѣнія из отчета только Верховнаго Революціоннаго Трибунала: с января по март разстрѣляно 40 чел., в маѣ только трибуналами разстрѣляно 100 чел.

¹⁾ «Архив Рус. Рев.» XII, 145.

Что может быть красноречивее факта, установленного специальной комиссией В. П. П. К. — зарегистрировано 826 самочинных разстрѣлов Гос. Пол. Упр.: самочинных, т. е. произведенных с нарушением установленных нынѣ вышних форм. Среди этих 826 политических 519. По ревизии В. П. К. отстранены 3 председателя мѣстных отдѣлов Г. П. У., 14 слѣдователей и т. д. Не только корреспонденция европейских газет, но и официальные советскіе органы, приходящіе за рубеж, сообщают достаточное количество фактов о продолжающихся разстрѣлах, как единичных, так и массовых. Эти сообщения по прежнему можно разбить на тѣ же самыя старыя рубрики. Здѣсь прежде всего фигурирует «контр-революція»: надо ли напоминать о взволновавшем весь мір убійствѣ прелата Буткевича? Здѣсь будут разстрѣлы за печатаніе нелегальной политической литературы, здѣсь будут дѣла, называемыя в официальных отчетах «осколками бѣлогвардейцев». Не вѣрно, что это «осколки», это дѣла о прошлом, всплывшія нынѣ и иногда уже по истеченіи нѣскольких лѣтъ: савинковскій «агент» Свержевскій, (организатор несуществовавшего покушенія на Ленина), 3 члена «Союза защиты Родины и Свободы», 3 офицера Олонцаго стрѣлковаго дивизиона, подготавлившіе сдачу в 1919 г. дивизіи англичанам в Архангельскѣ, 33 члена николаевско-незнамовской контр-революціонной организаціи, 13 представителей какой то кievской к-рев. организаціи. Дѣла повстанческія: 28 екатеринославских повстанцев, 64 волынских (приговорено было к разстрѣлу 340 — остальные помилованы), 9 человек из повстанческой группы, дѣйствовавшей на Кавказѣ в 1920 г., аналогичная группа в 10 человек. Безконечныя дѣла о «бандитах»: в Одессѣ 15 человек, в Петербургѣ 15 и 17 (из коих нѣсколько женщин, не донесших властям на своих сожигателей), в Москвѣ 9 и т. д.; 5 человек разстрѣляно за поддѣлку желѣзнодорожных биле-

тов, фальшивомонетки и пр. Особенно стоит группа так называемой «экономической контр-революціи»: управляющій туркестанской табачной промышленностью за безхозяйственность, лѣсной трест Томской губ. (4 чел.), инженеры «Унион» (3), дѣло Гукона (Главнаго конского управления — быв. с.-р. Тошильскій), сотрудники Госторга, торговец на Сухаревском рынкѣ, 4 рабочих за «саботаж», «обнаглѣвшіе красныя кушцы» за денежную спекуляцію и многіе другіе за подобныя же повинности.

Безмысленная, ничѣм не вызванная в 1923 г. месть за старое: лейтенант Ставраки, участвовавшій в подавленіи возстанія Черноморскаго флота в 1905 г., 76 возвратившихся на родину врагелевских солдат: ген. Петренко, пріѣхавшій с- Принцевых островов по амнистии. Преступленія по должности: 11 служащих центрального жилищнаго отдѣла в Москвѣ и серія дѣл чекистов и членов трибуналов за злоупотребленія (одно время была такая полоса): член Архангельскаго трибунала, руководитель Дубосарскаго (Царицынскаго уѣзда) уголовнаго розыска, обвиненный в самочинных разстрѣлах и везаніях.

Сообщенія об этих и многих других разстрѣлах за 1923 г. хранятся в моем портфельѣ...

Были попытки подвести итоги. Нужно ли это дѣлать теперь? Вѣроятно и в будущем никогда не раскроется вопль та темная завѣса, которая скрывает от нас закулисныя стороны кровавой полосы русской жизни за послѣднія пять лѣтъ. Исторія будет всегда стоять до нѣкоторой степени перед закрытыми дверями в царство статистики «краснаго террора». Имена и число его жертв мы не узнаем. Рассказывают, что матросы нынѣ нерѣдко вылавливают, при рыбной ловлѣ, трупы соловецких монахов, связанные друг с другом у кисти рук проволокой...¹⁾

1) Воспоминанія мичмана Гефтера. Архив X, 118.

Один такой теоретический подсчет был сделан Ев. Компиным в «Руль»¹⁾. Приведу его соображения — они интересны для установления этой статистики человеческих казней:

«Зимой 1920 г. в состав РСФСР входило 52 губерний — с 52 чрезвычайными комиссиями, 52 особыми отдѣлами и 52 губревтрибуналами. Кроме того: безчисленные эртечека (район. транспорт. чрез. ком.), желѣзнодорожн. трибуналы, трибуналы в. о. х. р. (войска внутренней охраны, нынѣ войска внутренней службы), выѣздныя сессии, посылаемая для массовых разстрѣлов «на мѣстах». К этому списку застѣнков надо отнести особые отдѣлы и трибуналы армій, тогда 16, и дивизій.

Всего можно насчитать до 1000 застѣнков — а если принять во вниманіе, что одно время существовали и уѣздныя чека — то и больше.

С тѣх пор количество губерній РСФСР значительно возросло — завоеваны Сибирь, Крым, Дальний Восток. Увеличилось слѣдовательно в геометрической прогрессіи и количество застѣнков.

По совѣтским сводкам можно было (тогда, в 1920 г. — с тѣх пор террор отнюдь не сократился, о нем лишь меньше сообщается) установить среднюю цифру в день для каждаго застѣнка: кривая разстрѣлов подымается от 1 до 50 (последняя цифра — в крупных центрах) и до 100 в только что завоеванных красной арміей полосах. Эти взрывы террора находили однако періодически и опять спадали, так что среднюю (скромную) цифру надо установить приблизительно в 5 человек в день, или помножив на 1000 (застѣнков) — 5000 человек и в год около 1½ миллиона.

А вѣдь «Голова Медузы» вот уже скоро шесть лѣтъ висит над испепеленной страной».

¹⁾ Еще о «Головѣ Медузы». «Руль», 3-го августа 1923 г.

В нѣкоторых чрезвычайных комиссиях, говорят, заведена особая должность «завучтѣл», то есть, заведующій «учетом тѣл».

Не сказано ли этим все?

IV. На гражданской войнѣ.

«Правду выпытывали из под ногтей.
В шею вставляли фугасы.
«Шли погоны», «кronли лампы».
«Дѣлали однорогих чертей» —
Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разярить и поднять на ножи
Армій, царства, народы».

М. Волошин.

Денигинская комиссия по разслѣдованію дѣяній большевиков в період 1918-19 г., состоявшая, надо это сказать, из людей, получивших специальное юридическое образованіе, и людей, персонально заслуживающих полного общественнаго уваженія, собиравшая свои матеріалы «с соблюденіем требованій Устава Уголовнаго Судопроизводства», в обобщающем очеркѣ¹⁾ о «красном террорѣ» насчитала 1.700.000 жертв. Из многочисленных матеріалов этой комиссії опубликовано сравнительно мало. Я не мог еще в достаточной мѣрѣ познакомиться с архивом комиссії, находящимся в Парижѣ. Между тѣм статистическіе итоги, конечно, в значительной степени зависят от методов, примѣняемых при том или ином облѣдованіи вопроса.

Мы до сих пор говорили почти исключительно о смерти, произведенной в порядкѣ «судебном» или административном, т. е. в той или другой степени

¹⁾ Он не был напечатан и составлен был в частном порядкѣ.

по приговорам «революционной» власти. Но действительных жертв «красного террора» конечно, несравненно больше, как это можно было видеть попутно, когда нам приходилось затрагивать вопрос о подавлении тех или иных возстаній и пр.

Трудно в данном случаѣ различить то, что может быть отнесено к так называемым «эксцессам» гражданской войны, от планомѣрнаго осуществленія «краснаго террора», ибо за наступающими войсковыми частями, творящими звѣрскія расправы с безсильным противником или неповинным населеніем, всегда идет воинствующая Че-Ка. Под каким наименованіем она дѣйствует в тот или иной момент — не все ли равно?

Этих описаній уже слишком много. И тѣм не менѣе, не жалѣя нервов тѣх, кто читает эти страницы, возьму нѣсколько таких картин, быть может, и не самых жестоких по проявленіям чисто зоологической человѣческой ненависти.

Начну с матеріалов «Особой Комиссін». Дѣло № 40 — «акт разслѣдованія о злодѣяніях, учиненных большевиками в городѣ Таганрогѣ за время с 20 января по 17 апрѣля 1918 года».

«В ночь на 18 января 1918 года в городѣ Таганрогѣ началось выступленіе большевиков, состоявших из проникших в город частей красной арміи Сивера...

20 января юнкера заключили перемиріе и сдались большевикам с условіем безрешительнаго выпуска их из города, однако, это условіе большевиками соблюдено не было и с этого дня началось проявленіе «исключительной по своей жестокости» расправы с сдавшимися.

Офицеров, юнкеров и вообще всѣх выступавших с ними и сочувствовавших им, большевики ловили по городу и или тут же на улицах разстрѣливали, или отправляли на один из заводов, гдѣ их ожидала та же участь.

Цѣлые дни и ночи по городу производились повальные обыски, искали вездѣ, гдѣ только могли так называемых «контр-революціонеров».

Не были пощажены раненые и больные. Большевики врываются в лазареты и, найдя там раненаго офицера или юнкера, выволакивали его на улицу и зачастую тут же разстрѣливали его. Но смерти противника им было мало. Над умирающими и трупами еще всячески глумились...

Ужасной смертью погиб штабе-капитан адъютант начальника школы прапорщиков: его, тяжело раненаго, большевистскія сестры милосердія взяли за руки и за ноги и, раскачав, ударили головой о каменную стѣну.

Большинство арестованных «контр-революціонеров» отвозилось на металлургическій, кожевенный и, главным образом, Балтійскій завод. Там они убивались, при чем большевиками была проявлена такая жестокость, которая возмущала даже сочувствовавших им рабочих, заявивших им по этому поводу протест.

На металлургическом заводѣ красногвардейцы бросили в пылающую доменную печь до 50 человѣкъ юнкеров и офицеров, предварительно связав им ноги и руки в молосогнутом положеніи. Вислѣдствіи остатки этих несчастных были найдены в шлаковых отбросах на заводѣ.

Около перечисленных заводов производились массовые разстрѣлы и убійства арестованных, при чем тѣла нѣкоторых из них обезображивались до неузнаваемости.

Убитых оставляли подолгу валяться на мѣстѣ разстрѣла и не позволяли родственникам убирать тѣла своих близких, оставляя их на сѣденіе собакам и свиньям, которыя таскали их по степи.

По изгнаніи большевиков из Таганрогскаго округа, полиціей в присутствіи лиц прокурорскаго надзора, с 10 по 22 мая 1918 г. было совершено вы-

рытіе трупов погибших, при чем был произведен медико-полицейскій осмотр и освидѣтельствованіе трупов, о чем были составлены соотвѣтствующіе протоколы...

Допрошенное при производствѣ разслѣдованія въ качествѣ свидѣтеля лицо, наблюдавшее за разрытіем означенных могил, показало, что ему «воочию при этом раскрытіи пришлось убѣдиться, что жертвы большевистскаго террора перед смертью подвергались мучительным страданіям, а самый способ лишенія жизни отличается чрезмѣрной, ничѣм не оправдываемой жестокостью, свидѣтельствующей о том, до чего может дойти классовая ненависть и озвѣреніе человѣка.

На многих трупах, кромѣ обычных огнестрѣльных раненій, имѣлись колотыя и рубленныя раны прижизненнаго происхожденія, зачастую въ большом количествѣ и разных частях тѣла; иногда эти раны свидѣтельствовали о сплошной рубкѣ всего тѣла; головы у многих, если не большинства, были совершенно разможжены и превращены въ безформенныя массы съ совершенной потерей очертаній лица; были трупы съ отрубленными конечностями и ушами; на нѣкоторых же имѣлись хирургическія повязки — ясное доказательство захвата их въ больницах и госпиталях».

Та же картина наблюдалась и въ различных городах Крыма. Об одной «Варфоломѣевской ночи» въ Евпаторіи говорит дѣло № 56. Въ Евпаторіи красныя войска появились 14 января. Начались массовые аресты офицеров, лиц зажиточнаго класса и тѣх, на кого указывали, как на контр-революціонеров. За 3—4 дня было въ маленьком городѣ арестовано свыше 800 человѣкъ.

«Казни происходили так: лиц, приговоренных къ разстрѣлу выводили на верхнюю палубу и там, послѣ издѣвательств, пристрѣливали, а затѣм бросали за борт въ воду». (Казни происходили на суднѣ «Румынія»). «Бросали массами и живых, но въ этомъ

случаѣ жертвъ отводили назад руки и связывали их веревками у локтей и у кистей, помимо этого связывали и ноги въ нѣскольких мѣстах, а иногда оттягивали голову за шею веревками назад и привязывали къ уже перевязанным рукам и ногам. К ногам привязывались «колосники».

Казни происходили и на транспортѣ «Трувор», при чем, по словам очевидца, слѣдующим образом: перед казнью, по распоряженію судебной комиссіи, къ открытому люку подходили матросы и по фамиліи вызывали на палубу жертву. Вызваннаго под конвоем проводили через всю палубу мимо цѣлага ряда вооруженных красноармейцев и вели на так называемое «лобное мѣсто» (мѣсто казни). Тут жертву окружали со всѣх сторон вооруженные матросы, снимали съ жертвы верхнее платье, связывали веревками руки и ноги и въ одном нижнем бѣльѣ укладывали на палубу, а затѣм отрѣзывали уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и въ таком видѣ жертву бросали въ воду. Послѣ этого палубу смывали водой и таким образом удаляли слѣды крови. Казни продолжались цѣлую ночь и на каждую казнь уходило 15—20 минут. Во время казней съ палубы въ трюм доносились неистовые крики и для того, чтобы их заглушить, транспорт «Трувор» пускалъ въ ход машины и как бы уходил от берегов Евпаторіи въ море. За три дня 15, 16 и 17 января на транспортѣ «Трувор» и на гидро-крейсерѣ «Румынія» было убито и утоплено не менѣе 300 человѣкъ.

Матрос Куликов говорил на одном из митингов, что собственноручно бросил въ море за борт 60 человѣкъ».

В ночь на 1 марта из города исчезло человѣкъ 30—40. Их увели за 5 верст от города, гдѣ и разстрѣляли на берегу моря. «Было установлено, что перед разстрѣлом жертв выстраивали неподалеку от вырытой ямы и стрѣляли въ них залпами разрывными пулями, кололи штыками и рубили шашками. Зачастую разстрѣливаемый оказывался только ра-

ненным и падал, теряя сознание, по их также сваливали в одну общую яму с убитыми и, несмотря на то, что они проявляли признаки жизни, засыпали землей. Был даже случай, когда при подталкивании одного за ноги к общей ямѣ, он вскочил и побѣжал, но свалился заново, саженья в 20, сраженный новой пулей».

Учестъ невозможно количество жертв, — говорит разслѣдованіе о дѣятельности большевиков в Ставрополѣ с 1 января по 1 июня 1918 года. Людей убивали без суда и слѣдствія, по устным распоряженіям комендантов и начальников красноармейских частей (материалы насчитывают 96 погибших известных горожан). Воспоминанія о Ставропольской губ. быв. прокурора Временнаго Правительства Краснова, напечатанныя в «Архивѣ революціи», выходящем под редакціей І. В. Гессена, подтверждают эти разслѣдованія. Он рассказывает о надруганіи над калмыцкими женщинами, о дѣтях «отрѣзанными ушами», об истязаніи изнасилованных гимназисток в гимназіи с. Петровскаго¹⁾. В материалах Деникинской комиссіи перед нами проходят послѣдовательно города: Харьков, Полтава и др. И повсюду «трупы с отрубленными руками и размоисженными костями и оторванными головами», «с переломленными челюстями, с отрѣзанными половыми органами». И повсюду могилы дают десятки таких трупов: в Кобелях — 69, в другом уѣздном городѣ — 20, в третьем, в Харьковѣ — 18 семидесятилѣтних монахов. Вот труп 75 лѣтняго арх. Родіона, с котораго в Харьковѣ сняли скальп.

Возьмем описаніе таких же дней в Ростовѣ на Дону из другого уже источника, из замѣчательной книги социал-демократа А. Локермана: «74 дня советской власти», вышедшей еще в 1918 г. в Ростовѣ. Здѣсь тѣ же массовые разстрѣлы, в том числѣ раненых по госпиталям. «В штабѣ (Сиверса) аресто-

¹⁾ Архив VІІІ, 164.

ванных раздѣвали; иных оставляли в сапогах и брюках, которые стаскивали уже послѣ разстрѣла, других оставляли только в кальсонах. В 20-м вѣкѣ, среди бѣлаго дня, по улицѣ большого города гнали зимой по слѣгу голых и босых людей, одѣтых только в кальсоны, и подогнав к церковной оградѣ, давали залпы... Многие крестились, и пули поражали их в момент молитвы. Буржуазные предрасудки, в родѣ завязыванія глаз, приглашенія духовнаго лица и т. п., конечно, не соблюдались».

Разстрѣливались все подростки 14—16 лѣт, записавшіяся в добровольческую армію, среди них цѣлый ряд гимназистов и семинаристов.

«Штаб Сиверса категорически заявил, что все участники добровольческой арміи и лица, записавшіяся в нее, без различія степени участія и возраста их, (курсив автора) будут разстрѣляны без суда» (23).

Много случаев разстрѣла людей, вышедших послѣ 9 часов вечера — патрули заводили их в глухое мѣсто и разстрѣливали. Разстрѣливали «у стѣны ипподрома, на глазах у публики», разстрѣливали днем на набережной. Часто трупы разстрѣлянных изуродовались до неузнаваемости» (49). Казни и расправы производились под лозунгом «Смерть буржуазіи», «смерть капиталистам» (51), список же павших, ничего общаго с капиталистами не имѣющих, безконечен. «В числѣ погибших громадный процент составляют учащіеся средних и высших учебных заведеній и представители интеллигентных профессій, и первые моменты казалось, что происходит избіеніе интеллигенціи». Но это ошибочно, «подавляющее число погибших — это случайныя лица из всех слоев населенія, преимущественно из пролетариата» (51).

Перед уходом большевики снова совершили ряд «отвратительных жестокостей» (92).

Отступленіе не менѣ жестоко, чѣм наступленіе. В концѣ 1918 г. оставляется большевиками гор. Са-

рапуль: в виду затруднений, какія представляла эвакуация мѣстной тюрьмы, рѣшили ее «очистить» путем разстрѣла в сѣх заключенных ¹⁾.

«Один из их (большевистских) вождей публично заявил, что, если им придется покинуть город, они перерѣжут 1000 жителей» — доносит Эльстон Керзону 11 февраля 1919 г. ²⁾.

В «Бѣлой книгѣ» можно найти немало матеріала для характеристики форм, в которыя выливалась гражданская война на сѣверо-востокѣ Россіи в 1918—1919 гг.

«Обычно жертвы разстрѣливались, но часто еще топились или рубились нашками. Избіенія группами в 30, 40 и 60 человек; имѣли мѣсто, напримѣр, в Пермь и Кунгурѣ» — сообщает Элиот Керзону в мартѣ 1919 г.

«Убіиству часто предшествовали безчеловѣчныя пытки. Перед разстрѣлом рабочих в Омскѣ их подвергли поркѣ и избіенію прикладами и желѣзными палками с цѣлю добиться от них показаній. Часто жертвы принуждались рыть себѣ сами могилу. Иногда палачи ставили их лицом к стѣнѣ и начинали сзади стрѣлять из револьверов мимо их ушей, убивая их значительно позже. Оставшіеся в живых свидѣтельствуют об этом.

В числѣ жертв были молодія дѣвушки, старухи и беременныя женщины»... (132).

«В Благовѣщенскѣ — пишет Нокс (Knox) военному министерству — были найдены офицеры и солдаты отряда Торболова с грамфонными иглами под лоптями, с вырванными глазами, со слѣдами от гвоздей на плечах на мѣстѣ эпюлет. Их тѣла превратились в какія-то замерзшія статуи; их вид был ужасен. Убили их большевики в Мецановой, а потом увезли трупы в Благовѣщенск»... (129).

¹⁾ «12 смертников» 21.

²⁾ Livre blanc, 108.

Вот сообщеніе Эльстона Бальфуру 18-го января 1919 г., передающее со слов теперешняго чешскаго министра иностранных дѣл по русским дѣлам заслуживающіе особаго вниманія факты о событіях в Кіевѣ.

... «Даже турецкія звѣрства в Арменіи не могут сравниться с тѣм, что теперь дѣлают большевики в Россіи... Во время боев в Уссурійском районѣ в іюль 1918 г. д-р Т. нащел на полѣ сраженія ужасно изуродованные трупы чешских солдат.

У них были отрѣзаны половые органы, вскрыты черепа, изрублены лица, вырваны глаза и вырѣзаны языки...

Мѣстные представители чешскаго національнаго Совѣта, д-р Гирса и его помощник, говорят, что большые года тому назад сотни офицеров были разстрѣляны в Кіевѣ при взятіи его большевиками...

В сильнѣйшій холод их увели с квартир, раздѣли до гола, оставив им однѣ шапки и впахнули в повозки и автомобили. На морозѣ, выстроенные в ряд, они часами ждали, когда и как, по одиночкѣ или группами, большевистским солдатам заблагодарсудится их разстрѣлять.

Д-р Гирса был в это время хирургом при 12-ой городской больницѣ. Больница была переполнена больными, влѣдствіи жестокостей над интеллигенціей и офицерами в Кіевѣ. Офицеров, даже смертельно раненых, приходилось прятать в шкапы, чтобы явившіеся за ними большевики, выводя на улицу, тут же не разстрѣляли их.

Многих тяжело раненых вытаскивали из больниц и безжалостно убивали.

Большевики выгоняли на улицу и разстрѣливали людей с раненіями живота, с переломами членов и другими тяжелыми раненіями. Он помнит, как видѣл, что собаки на улицах ѣли (трупы) офицеров. Жена помощника д-ра Гирсы видѣла автомобиль, наполненный замороженными трупами

офицеров, которые везли по улицам за город, на пугать...

Людей выгоняли из их домов, ночью освобождали больничные койки, безнаочно убивали тяжело раненых; мужчины разстреливали без снисхождения и суда»... (80—81)⁴⁾.

Тот же Эльстон пишет Бальфуру 14-го января 1919 г.:

... «Число зверски убитых в уральских городах невинных граждан достигает нескольких сот.

Офицерам, захваченным тут большевиками, эпюлеты прибавались гвоздями к плечам; молодые девушки насиловались; штатские были найдены с выколотыми глазами, другие — без носов; двадцать пять священников были разстреляны в Перми, а епископ Андроник живо зарыт. Мы обязаны дать общице итог убитых и другие подробности, когда они будут собраны» (78).

В разных местах разные категории свидетелей таким образом рисуют нам однотонные по ужасам картины. Эстония, Латвия, Азербайджан — везде, где только шла гражданская война, не представляет в данном случае исключения. О кровавых банях в Валке, Дерпте, в Везенберге и т. д. 1918—1919 гг., говорят нам: „Das wahre Gesicht des Bolschewismus!“ (Tatsachen, Berichte, Bilder aus

⁴⁾ Очень образное описание захвата Киева дал большевистской главнокомандующий Муравьев. Этот рвдкостный авантюрист, говоривший «Владимиру Ильичу», что он идет с революционными войсками завоевывать весь мир, в своей одесской рчи так описывал свои подвиги в Киеве: «Мы идем с огнем и мечом, устанавливаем советскую власть: ... Я занял город, бил по дворцам и церквам, по понам, по монахам, никому не давал пощады! 28-го января оборонческая дума просила перемирия. В ответ я велел бить химическими удушливыми газами. Сотни генералов, может — и тысячи были убиты безнаочно. Так мы метили. Мы были бы в состоянии удержать взрыв мести, но не надо было этого, так как наш лозунг — быть безнаочным» (Маргулис: «Огненные годы» 191).

den Baltischen Provinzen. November 1918—Februar 1919.) „Unter der Herrschaft des Bolschewismus“. (Gesammelt von Erich Köhrer, Pressebeirat der deutschen Gesandtschaft bei den Regierungen Lettlands und Estlands) и ряд аналогичных работ, вышедших на немецком языке. Много материала о Балтике заключается в донесениях, помещенных в «Вблоте Книге»; здесь рассказывается о сотнях с выколотыми глазами и т. д., и т. д. Автор воспоминаний о революции в Закавказье (Архив Революции IX, 190) говорит о 40.000 мусульман, погибших от руки большевиков при возмании в Елисаветполье в 1920 г. и. т. д.

Чтобы понять всю совокупность явления, именуемого «красным террором», нельзя пройти мимо этих фактов, происходивших непосредственно на территории гражданской войны. И даже не в момент боя, не в момент столкновения, когда разгораются звериные страсти человеческой натуры. Нельзя ограничиться отпиской, что все это «эксцессы», при чем эксцессы китайцев или интернациональных батальонов, отличавшихся исключительной жестокостью по отзыву всех ршительно свидетелей. Интернациональный полк в Харьков — говорит л. с.-р. Вершинин — творил «такія жестокости, перед чьм блднет многое, что принято называть ужасом»¹⁾.

Это не «эксцессы», потому что и здесь жестокость возведена в систему, т. е. в действие планомерное. Тот же Лацис 23 авг. 18 г., т. е. до покушения на Ленина в «Известиях» формулировал новые законы гражданской войны, которые должны замнить «установившиеся обычаи» войны, выраженные в разных конвенциях, по которым плнные не разстреливаются и пр. Все это только «смшно»: «Врывать всех раненых в боях против тебя — вот закон гражданской войны».

¹⁾ «Кремль за ршеткой», 177.

V. «Классовый террор».

«Пролетарии помните, что жестокость — остаток рабства потому, что она свидетельствует о присущем в нас самих варварствѣ» . . .

Жорес.

Цитированные нами материалы из «Бѣлой Книги» рассказывали уже факты, относящиеся к подавлению крестьянских восстаний, которые вспыхивали на территории, куда приходила большевистская власть. Эти материалы говорят нам о таких же усмирениях рабочих волнений.

«С рабочими, оказывавшими большевикам сопротивление, обходились так же, как с крестьянами» доносит Элиот Керзону 5 марта 1919 г.¹⁾ «Сто рабочих было разстрѣляно в Мотовиловкѣ близ Перми в декабрь 1918 г. за протест против поведения большевиков».

Но не только в английских донесениях мы найдем безконечное количество аналогичных фактов. Этих сообщений бездна и в русской печати, да и в официальных органах совѣтской власти. И внутри самой совѣтской Россіи можно зарегистрировать длинный список крестьянских восстаний на почвѣ протеста против деспотического режима большевиков, против отобрания хлѣба в связи с налогом и т. д. Все они кровавым путем подавлялись.

Исторія в Россіи, в которой крестьянскія волнения занимали всегда не послѣднее мѣсто, никогда не видела таких усмирений, которая практиковала совѣтская власть. Ничего подобнаго не было даже при крѣпостном правѣ, ибо при усовершенствованной техникѣ против возставших пускаются в ход броневики, пулеметы и удушливые газы.

У меня лично был собран опромный материал в этой области за 1918—1919 гг., но, к сожалѣнію, он

¹⁾ Livre blanc, 131.

пропал в Москвѣ во время одного из многочисленных обысков.

Вот один красочный документ, подводящій как бы итоги того, что дѣлалось в Тамбовской губерніи. Это было до так называемого антоновскаго восстания, охватившаго огромный район и явившагося скорѣе отвѣтом на то, что дѣлали большевики во имя «классоваго террора» с деревней. Документ относится к концу 1919 года. Это — записка, поданная в Совѣт Народных Комиссаров группой социалистов-революціонеров. Дѣло идет о подавленіи «безпорядков» в ноябрь 1919 г. Поводы для восстания были разные: мобилизація, реквизиція скота, учет церковнаго имущества и т. д. Вспыхнув в одной, они быстро, как зараза, распространились по другим волостям и, наконец, охватили цѣлые уѣзды. «Совѣтская власть двинула на мѣста десятки карательных отрядов, и вот весьма краткій перечень фактов из их кровавой дѣятельности, перед которыми блѣднѣют ужасы, творимые когда-то в тѣх же мѣстах царским опричником Луженовским: В Спасском уѣздѣ, во всех волостях, гдѣ только появлялись карательные отряды, шла самая безобразная, безразборная порка крестьян. По селам много разстрѣлянных. На площади города Спасска публично, при обязательном присутствіи граждан-односельчан, было разстрѣляно десять крестьян вмѣстѣ со священником, при чем телѣги для уборки трупов должны были предоставить граждане-односельчане. Разстрѣлянных за Спасской тюрьмой 30 человек заставили перед смертью вырыть себѣ одну общую могилу. В Кирсановском уѣздѣ усмирители в своей безумной жестокости дошли до того, что запирали на нѣсколько дней арестованных в один хлѣв с голодным экономическим хряком; подвергшіеся таким пыткам сходили с ума. Предсѣдатель Нащекинскаго Комитета Бѣдноты продолжал разстрѣливать самолично уже послѣ отъѣзда карательнаго отряда. В Моршанском

у в з д ъ сотни разстрѣлянных и тысячи пострадавших. Нѣкоторыя села, как, напримѣр, Ракша, почти уничтожены орудійными снарядами. Имущество крестьян не только разграблялось «коммунистами» и армейцами, но и сжигалось вмѣстѣ с запасами сѣмян и хлѣба. Особенно пострадал Пичаевскій район, гдѣ сжигали десятый двор, при чем женщины и дѣти выгонялись в лѣс. Село Перкино участія в возстаніи не принимало, однако там в это же время переизбрали совѣт. Отряд из Тамбова весь новый состав совѣта разстрѣлял. Из Островской волости в Моршанскую тюрьму доставлено 15 крестьян совершенно изувѣченных усмирителями. В этой же тюрьмѣ содержится женщина, у которой выдраны волосы на головѣ. Случай насилія над женщинами надо считать десятками. На кладбищѣ города Моршанска израненные армейцами 8 крестьян (Марков, Сучков, Костяев, Кузьмин и др.) были полуживыми зарыты в могилу. Особенно отличились по Моршанскому уѣзду слѣдующіе усмирители: начальник отряда — Чуфирии — «коммунист», Чумичкин (бывш. уголовный), Парфенов (освобожденный из ссылки по ходатайству на Выс. имя), Соколов, бывший фельдфебель и ряд других. В Тамбовском уѣздѣ многія села почти уничтожены пожаром и орудійными снарядами. Масса разстрѣлянных. Особенно пострадали села: Пахотный Угол, Знаменка, Каріан, Бондари, Лаврово, Покровское-Марфино и др. В Бондарях разстрѣлян весь причт за то, что по требованію крестьян отслужил молебен послѣ сверженія мѣстнаго совѣта¹⁾. В Каріанѣ вмѣстѣ с другими арестованными по дѣлу возстанія был разстрѣлян член I-ой Государственной Думы С. К. Бочаров. С какою вдумчивостью и серьезностью отнеслась гу-

¹⁾ Чекнистам казалось это естественным; по крайней мѣрѣ в докладѣ камышинской Ч. К. есть такой абзац: «Нае упрекают в жестокости и беспощадности, по как поступить с дѣми... которые ознаменовывают молебнами паденіе рабоче-крестьянской власти» (Еженед. Ч. К. № 4, 25).

бернская власть к усмиренію можно видѣть из того, что во главѣ одного отряда стоял 16-лѣтній мальчишка Лебскій, а Предсѣдателем Районной Чрезвычайной Комиссіи Тамбовскаго уѣзда состоял и до сих пор состоит А. С. Кликов, бывший крупный купец с. Токаревки, злостный банкрот, до октябрьской революціи занимавшійся спекуляціей, круглый невѣжда, взяточник и пьяница. В его руках находилась жизнь арестованных и он разстрѣливал направо и налево. Кромѣ «спеціальных» карательных отрядов практиковалась также посылка на боевое крещеніе коммунистических ячеек и эти хулиганскія банды устраивали по селам настоящія оргіи — пьянствовали, занимались грабежом и поджогами, претворяя таким образом великій принцип «Братства, Равенства и Свободы» в ужас татарскаго нашествія. Необходимо также отмѣтить кровавую работу латышских отрядов, оставивших послѣ себя долгую кошмарную память. В настоящее время тюрьмы и подвалы чрезвычайек переполнены. Число арестованных по губернии нужно считать тысячами. Вслѣдствіе голода и холода среди них развиваются всякія болѣзни. Участь большей половины арестованных ясна — они будут разстрѣляны, если у власти останутся тѣ же комиссары и чрезвычайныя комиссіи.

Возстанія — свидѣтельствует записка — были также в Козловском, Усманском и Борисоглѣбском и остальных уѣздах Тамбовской губернии, при чем относительно усмиренія Шацкого уѣзда очевидцы говорят, что он буквально залит кровью²⁾.

Крестьянскія возстанія в своем развитіи легко переходят за предѣлы возстаній только деревенских и захватывали города. В берлинской газетѣ «Рудль» было помѣщено как то чрезвычайно красочное описаніе одной очевидицы возстанія крестьян в г. Петропавловскѣ. Крестьяне именуются здѣсь «бѣлы-

²⁾ «На чужой сторонѣ», Вып. III.

ми», по это было подлинное народное движение. Заимствуем из него конец:

«Со вступлением «красных» начался «красный террор»; начались массовые аресты и расстрелы без разсудованій; появились на столбах объявленія, гласиція: «... в случаѣ еще одного нашествія бѣлых банд, город будет до основанія разрушен «красной» артиллеріей».

«Со слов вернувагося из плѣна «бѣлых» знакомаго врача, можно было заключить, что «красный террор» в деревнѣ был ужаснѣе, чѣм в городѣ: дома всѣ были разграблены, скотина уведена, нѣкоторыя семьи цѣликом были вырѣзаны, не жалѣли даже стариков, женщины и дѣтей. В нѣкоторых домах оставались только старики и маленькія дѣти: мужчины и женщины всѣ ушли с «бѣлыми». По дорогам и в деревнях валялись изуродованные до неузнаваемости трупы крестьян, служившіе «для назиданія» другим, эти трупы строго запрещено было убирать и хоронить.

«Крестьяне в свою очередь тоже безопадно расправлялись с коммунистами. В Петропавловском Народном домѣ в концѣ февраля, в мартѣ, апрѣлѣ и даже в маѣ мѣсяцѣ можно было видѣть длинные ряды изуродованных трупов коммунистов, несмотря на то, что еженедѣльно, каждое воскресенье, их хоронили человек по 50—60 — торжественно с музыкой. А на рынкѣ в «мясных (бывших, конечно) рядах» лежали (тоже для назиданія) изуродованные трупы заложников, с которыми коммунисты покончили, как только укрѣпились в городѣ. Тут были трупы бывшего городского головы, его замѣстителя, мирового судьи и многих других видных городских дѣятелей и торговцев. А сколько человек было расстрѣляно во дворѣ Полит-отдѣла (Чрезвычайки) и кто именно — неизвѣстно, но не один мѣсяц ежедневно в любое время дня и ночи там раздавались выстрѣлы. Кромѣ того было много случаев, что арестованных зарубивали шапками, и жители слы-

шали только отчаянные крики умирающих. Казнили и архіерея с нѣсколькими священниками из мѣстнаго собора. Их обвиняли, будто они колокольным звоном встрѣчали «бѣлых» при их приходѣ в Петропавловск, но коммунисты не приняли во вниманіе то, что «бѣлые» пришли ровно в 4 часа дня, когда, как всегда, заблагоуѣстили к вечернѣ. Труп архіерея долгое время лежал (для назиданія) на площади, на пути к вокзалу.

«На вокзалѣ находился «главный штаб войск Восточной Сибири», которому приписывают, что он расстрѣлял всѣх заключенных в тюрьмѣ, которые сидѣли до прихода «бѣлых», арестованные за малѣйшія провинности сроком на нѣсколько недѣль или мѣсяцев.

Я покинула Петропавловск 10-го мая. В городѣ все было спокойно, если не считать громаднаго количества красноармейцев, какого никогда не бывало. В уѣздѣ же возстаніе все еще не было подавлено, все еще приводили из деревень массы арестованных крестьян, и все еще с музыкой хоронили по праздникам изуродованных коммунистов».

Ожесточеніе крестьян дѣйствительно доходило до таких предѣлов, что я знаю факт, когда под самой Москвой в Можайском уѣздѣ крестьяне пойманнаго комиссара распиливали деревянной пилой.

Вышедшій в январѣ 1919 г. № 1 Бюллетень лѣв. с.-р., констатирует нам массовые крестьянскіе расстрѣлы в рядѣ губерній в період конца 1918 г. Напр., в Елифанском уѣздѣ Тульской губ. расстрѣляно — 150, в Медынском уѣздѣ Калужской губ. — 170, в Пронском уѣздѣ Рязанской губ. — 300, в Касимовском — 150, в Спасском — также сотни, в Тверской губ. — 200, в Велижеком уѣздѣ Смоленской губ. — 600 и т. д.

В июлѣ 1919 г. происходит «возстаніе» в деревнях в окружности Кронштадта. Имѣем точное свидѣтельство: в одном селѣ расстрѣляно 170, в

другом 130; разстрѣливали по просту через третьяго.

Во время Колыванскаго возстанія крестьян в 1920 г. в Томской губ., по словам «Рев. Россіи», (№ 12) было разстрѣлено болѣе 5000 человек. Аналогичное возстаніе в Уфимской губ., по словам лѣв. с.-р. было подавлено с такой жестокостью, что по «официальным данным разстрѣлено было 10 тысяч крестьян, а по неофициальным — 25 и больше»¹⁾. Приведу еще один лишь документ, относящийся уже к подавленію возстанія, возглавляемаго Антоновым и вышедшаго далеко за предѣлы Тамбовской губ. Документ издан от «полномочной комиссіи ВЦИК» 11-го іюня 1921 г.²⁾.

1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, разстрѣливать на мѣстѣ, без суда.

2. Селянам, у которых скрывается оружіе, объявлять приговор о взятіи заложников и разстрѣливать таковых, в случаѣ недачи оружія.

3. Семья, в дому которой укрылся бандит (т. е. возставшій крестьянин) подлежит аресту и высылкѣ из губерніи, имущество ея конфискуется, старшій работник в этой семьѣ разстрѣливается на мѣстѣ без суда.

4. Семья, укрывающія членов семьи или имущество бандитов, разсматривать, как бандитскія, и старшаго работника этой семьи разстрѣливать на мѣстѣ без суда.

5. В случаѣ бѣгства семьи бандита, имущество таковой распредѣлять между вѣрными совѣтской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать.

6. Настоящій приказ проводить и жизнь сурово и беспощадно».

Кровью, дѣйствительно, оказались залитыми Тамбовская и сосѣднія губерніи. Не преувеличивая

¹⁾ Письмо от іюня 1920 г. «Кремль за рѣшеткой».

²⁾ «За народ» № 1.

л. с.-р. Ган мог на судѣ перед Революціонным Трибуналом сказать: ¹⁾ «Сотни крестьян разстрѣляны выѣздными сессіями ревтрибуналов и губчека; тысячи пали безоружными под пулеметами курсантов и красноармейцев и десятки тысяч сосланы в сѣверныя губерніи с семьями, а имущество их сожжено и разграблено»²⁾. Подобныя картины по имѣющимся у партіи л. с.-р. данным могут быть нарисованы по сѣлому ряду губерній: Самарская, Казанская, Саратовская, Украина, Сибирь». И эти свѣдѣнія идут отовсюду: в Бузулукѣ в 1920 г. разстрѣляны 4000 повстанцев, в Чистополѣ — 600³⁾, в Елатъмѣ — 300, при чем эти «триста» должны были сами вырыть себѣ предварительно могилу⁴⁾. Практикуются и массовые фиктивные разстрѣлы с инсценировкой раздѣванія, рытья могил, традиціоннаго «пли», выстрѣлов над головой — о чем разсказывает в своей книгѣ «Россія послѣ четырех лѣтъ революціи» С. С. Маслов (Париж 1922 г.). Эту утонченность при подавленіи «возстаній» надо особо подчеркнуть: вѣдь здѣсь дѣйствует власть, говорящая о великом будущем коммунизма и так часто живописующая звѣрства «бѣлых». В Арской волости Казанскаго уѣзда — свидѣтельствует все тот же № 1 Бюллетня лѣв. с.-р. — ставили подряд 30 крестьян и рубили головы шашками...

А порки? Онѣ производятся — утверждает Орган лѣв. с.-р. — повсюду. «Съдут розгами, шомполами, палками и нагайками»...

«Бьют кулаками, прикладами, револьверами».

И идет длинное перечисленіе губерній, гдѣ зарегистрированы тѣлесныя наказанія.

¹⁾ Процесс л. с.-р. 27—29 іюня 1922 г. «Пути Революціи», 296.

²⁾ Мѣстный губисполком не стыдился печатать официальные объявленія о том, что за срыв, напр., прокламациі сожжены села в 6—10 тысяч жителей.

³⁾ «Знамя Труда» № 3, сент. 1920 г.

⁴⁾ Знаю это от очевидца.

Официально можно говорить, что в России розги не применяются, ибо телесное наказание явление позорное там, где власть принадлежит «рабочим и крестьянам». В действительности иное. И. З. Штейнберг в своей книге «Нравственный лик революции» (стр. 56—61) собрал недурной букет сообщений о советских Держимордах первоначального периода большевистского властвования. Что особенно важно — эти сведения почерпнуты из самой большевистской печати — «Правда» и «Известия». «Держиморды под Советским флагом» — так была озаглавлена даже статья в «Правдѣ» (№ 276, 1918 г.), повествующая о том, как Николаевская (Вологодской губ.) Ч. К. выколачивала «излишки» хлеба из населения и усмиряла возстанье «кулаков»: «Чрезвычайка зашарала крестьян массами в холодный амбар, раздвала до-гола и избивала шомполами». В Бѣльском уѣздѣ Витебской губ. крестьян порют по постановлению Исполкома. В с. Урени Костромской губ. мужикам приходилось надѣвать по пяти и больше рубах для того, чтобы не ощущать порки, но и это мало помогало, так как плети были свиты из проволоки, и случалось, что послѣ порки рубахи врезались в тѣло и засыхали, так что приходилось отмачивать их теплой водой».

«Ставили нас рядом — добавляет одно частное сообщение, цитированное Спиридоновой в письмѣ к Ц. К. большевиков — цѣлую одну треть волости шеренгой и в присутствии тѣх двух третей дупили кулаками справа налево, а лишь кто дѣлал попытку улизнуть, того принимали в плети» (дѣло касается дѣйствій реквизиціоннаго отряда).

В Ветлужском и Варнавинском уѣздах Костромской губ. начальство, приѣхав в деревню, «цѣликом ставило сход на колѣни, чтобы крестьяне почувствовали почтение к советской власти».

«Всыпьте им, пусть помнят советскую власть»...

Что же удивительнаго, если «под словом коммунист», как признает сама «Правда», именуют всѣх

хулиганов, лодырей и шарлатанов». «Над нами издѣваются, как над бессмысленным скотом»... Чтобы понять террор в деревнѣ, террор реквизиціонных отрядов, террор так называемых «комитетов деревенской бѣдноты» — хулиганов, сдѣлавшихся вооруженными диктаторами, дѣйствительно надо выкинуть в современную бытовую обстановку.

«В старое время — говорят в Макарьевѣ — становые на мужиках ѣздили, а теперь коммунисты катаются». Это тоже из «Правды». Приѣзжает продовольственный отряд в одно село в Хвальском уѣздѣ Саратовской губ. Собирает мужиков ночью, призывает истопить баню и привести «самых красивых дѣвушек молодых»... А вот приказ продовольственного комиссара комбѣду: «объявите вашим гражданам, что я им даю сроку три дня свезти десять тысяч пудов хлеба... За неисполнение такого будут мною поголовно разстрѣливаться, ибо мною уже сегодня в ночь разстрѣлян один мерзавец в д. Варваринкѣ. Уполномоченным (таким-то) дается право при неисполненіи разстрѣливать, в особенности подлую волюсть такую то». («Извест.» № 15, 1919 г.)

Разстрѣл и порка — вот по истинѣ символ «переходной эпохи» к социализму. Что тут говорить о «бѣлых». Никто не перещеголяет большевиков в их кровавом угарѣ.

Найдем ли мы в жизни и в литературѣ описание, аналогичное тому, которое приводит Штейнберг о происшествіи в Шацком уѣздѣ Тамбовской губ. Есть там почитаемая народом Вышинская икона Божьей Матери. В деревнѣ свирѣпствовала испанка. Устроили молебствіе и крестный ход, за что мѣстной Ч. К. были арестованы священники и сама икона... Крестьяне узнали о глумленіи, произведенном в Ч. К. над иконой: «плевали, шваркали по полу», и пошли «сѣбной выручать Божью Матерь». Шли бабы, старики, ребятишки. По ним Ч. К. открыла огонь из пулеметов. «Пулемет косит по ря-

дам, а они идут, ничего не видят, по трупам, по раненым, лѣзут на пролом, глаза страшные, матери дѣтей вперед; кричат: Матушка, Заступница, спаси, помилуй, всѣ за тебя ляжем».

Когда мы говорим об усмиреньях, связанных с крестьянскими возстаніями; когда мы говорим о разстрѣлах рабочих в Перми или в Астрахани, ясно, что здѣсь уже не может идти рѣчь о каком-то специфическом «классовом террорѣ» против буржуазии. И дѣйствительно, террор распространен был с первых дней своего существованія на всѣ классы без исключенія и, может быть, главным образом на интеллигентную интеллигенцію.

Так и должно было быть. Задача террора — говорила передовая статья в № 1 «Еженедѣльника» В. Ч. К. — уничтоженіе идеологов и руководителей врагов «пролетаріата» (читай: врагов совѣтской власти). В приговорах Ч. К. и трибуналов говорилось иногда о снисхожденіи, которое дѣлалось обвиняемому «принимая во вниманіе его пролетарское происхожденіе». Но на самом дѣлѣ это было только вывѣской, нужной в видах самой разнузданной демагогии. Конечно, на первых порах эта вывѣска обманывала несознательные элементы страны, но скоро кажется всѣ уже поняли реальную цѣнность этой демагогии¹⁾.

¹⁾ Я думаю, что слѣдователи типа «тов. Трунова», описываемого В. Красновым в его воспоминаніях («Архив Революціи» VIII, 163), были явленіем в общем рѣдким и, может быть, только на первых порах, когда интенсивно шла агитация против буржуазии, как таковой. Беседа этого слѣдователя в с. Безопасном, Ставропольской губ. с арестованным сводилась к одной и той же стереотипной фразѣ: «Покажь руку! Раздѣть!» «С узника срывали одежду, толкали к выходу, там подхватывали на штыки и выбрасывали тѣло в ямы, сохранившія названіе «чумной база» послѣ чумной эпидеміи на рогагом скотѣ». Примем во вниманіе, что застѣнок, гдѣ орудовал Трунов, был

Никто не повѣрит Лапису, что террор будто бы совсѣм не трогал «заблудшихся рабочих и крестьян», как никто не повѣрит Шкловскому, утверждавшему в № 3 «Еженедѣльника» Ч. К., что «не было ни одного случая, чтобы это угнетеніе было направлено против рабочаго класса¹⁾. Астраханскія убійства были исключеніем только в силу своих небывалых еще размѣров, напр. 60 представителей разстрѣляно в сентябрѣ 1920 г. в Казани за требованіе только восьмичасоваго рабочаго дня (!), пересмотра тарифных ставок, высылки свирѣпствовав-

только сельской тюрьмой, правда, в селѣ большом, не ясно ли, что пріем слѣдователя дѣйствительно не болѣе, чѣм ничто не говорящая стереотипная фраза. К той же демагогической фразеологій слѣдует отнести заявленіе нѣкоего рабочаго лефортовскаго района в Москвѣ Мизикина, на которое впоследствии ссылалась «Правда». При обсужденіи в Московском Совѣтѣ вопроса о прерогативах Ч. К. и тезиса Лаписа о ненужности судебного слѣдствія Мизикин заявил: «К чему даже и эти вопросы? (о происхожденіи, образованіи, занятіи и пр.). Я пройду к нему на кухню и загляну в горшок: если есть мясо — враг народа! К стѣнкѣ!» Руководство в жизни этим «пролетарским» принципом означало бы в 1918 г. разстрѣл всей привилегированной партіи коммунистов; «петрудящійся да не ѣст»... и мясо, в то время, пожалуй, преимущественно находилось в горшкѣ «коммунистических» хозяйств и, быть может, спекулирующей «буржуазии».

¹⁾ Когда в Одессѣ в июлѣ 1919 г. начались протесты против массовых разстрѣлов (см. у Вл. Маргуліеса) мѣстная губ. Ч. К. издала «приказ», гласившій, что контр-революціонеры распространяют «живые провокаціонные слухи о разстрѣлѣ рабочих»; президіум Ч. К. объявляя, что ему не было разстрѣляно «ни одного рабочаго, ни одного крестьянина» — и тут же дѣлалась оговорка «за исключеніем явных бандитов и погромщиков». Всѣм желающим «товарищам-рабочим» предлагалось явиться за полученіем официальных справокъ о разстрѣлянных в Ч. К. Затѣм шли предупрежденія: лицам, уличенным в распространеніи живых провокаціонных слухов, к ним «будет примѣнено самое суровое наказаніе, которое допускается существующими законами осаднаго положенія». Едва ли кто пошел послѣ этого за «справками».

ших маляр и проч.¹⁾. Справедливо говорило звание дѣвух с.-р., обращенное в апрѣлѣ 1919 г. к рабочим, с предложением не участвовать в первомайских торжествах: «Коммунистическое правительство за время послѣ октябрьской революціи собственноручно разстрѣляло не одну тысячу трудовых крестьян, солдат, рабочих и моряков²⁾. «Тюрьма для буржуазіи, товарищеское воздѣйствіе для рабочих и крестьян» — гласит надпись в одном официальном учрежденіи. Тот понетинѣ страшный саратовскій овраг, о котором мы уже говорили, одинаково был страшен, «как для буржуазіи, так и для рабочих и крестьян, для интеллигенціи и для всѣх политических партій, включая социалистов».

Кто опредѣлит, сколько пролито крови рабочих и крестьян в дни «краснаго террора»? Никто и, быть может, никогда. В своей картотекѣ, относящейся только к 1918 г., я пытался опредѣлить социальный состав разстрѣлянных... По тѣм немногим данным, которыя можно было уловить, у меня получились такія основныя рубрики, конечно, очень условныя³⁾. Интеллигентов — 1286 человек; заложников (профессионалов)⁴⁾ — 1026; крестьян — 962; обывателей — 468; неизвѣстных — 450; преступных элементов (под бандитизм часто, однако, подводились дѣла, носяція политической характер) — 438; преступления по должности — 187. Слуг — 118; солдат и матросов — 28; буржуазіи — 22; священников — 19.

Как ни произвольны всѣ подобныя группировки, онѣ опровергают утвержденія большевистских вождей и выбивают послѣдній камень из того политическаго фундамента, который они пытаются подве-

1) «Знамя Труда» № 3. См. выше о разстрѣлѣ рабочих в Екатеринославѣ.

2) Бюллетень Ц. К. Л. С. Р. № 4.

3) См. «Голова Медузы».

4) Эту группу — чиновников, офицеров и пр. я выдѣлил нарочно.

сти под террористическую систему (моральнаго оправданія террору общественная совѣсть никогда не найдет). Скажем словами Каутскаго: «это братоубійство, совершаемое исключительно из желанія власти».

В послѣдующих этапах террора еще рѣзче выступали эти факты. Тюрьмы полны были рабочих, крестьян, интеллигенціи. Ими пополняли и число разстрѣливаемых.

Можно было бы завести за послѣдній год особую рубрику: «красный террор» против социалистов.

Только в дѣлах демагогических можно было заявлять, что красный террор является отвѣтом на бѣлый террор, уничтоженіе «классовых врагов, замышляющих казни против рабочаго и крестьянскаго пролетаріата». Может быть, эти призывы, обращенные к красной арміи, сдѣлали на первых порах гражданскую войну столь жестокой, столь дѣйствительно звѣрской. Может быть, эта демагогія, сопряженная с ложью, развращала нѣкоторые элементы. Власть обращалась к населенію с призывом разить врага и доносить о нем. Правда, эти призывы к шпіонажу сопровождались одновременно и соответствующими угрозами: «всякое недонесеніе — гласил приказ¹⁾ предѣлателя чрезвычайнаго Военно-Рев. Трибунала Донецкаго Бассейна Пятакова — будет разсматриваться, как преступленіе, против революціи направленное, и караться по всей строгости законов военно-революціоннаго времени». Донесеніе является гражданским долгом и объявляется добродѣтелью. «Отнынѣ мы всѣ должны стать агентами чека» — провозглашал Бухарин. «Нужно слѣдить за каждым контр-революционером на улицах, в домах, в публичных мѣстах, на желѣзных дорогах, в совѣтских учрежденіях, всегда и вездѣ, ловить их, предавать в руки Чека» — писал «дѣвух»

1) «Харьковская Звѣзда», 7-го іюня 1919 г.

коммунист Мясников¹⁾, убійца вел. кн. Михаила Александровича, впоследствии сам попавший в опалу за свою оппозиционную против Ленина брошюру²⁾. «Если каждый из нас станет агентом чеки, если каждый трудящийся будет доносить революции на контр-революцію, то мы свяжем послѣднюю по рукам и ногам, то мы усилим себя, обеспечим свою работу». Так должен поступать каждый честный гражданин, это его «святая обязанность». Другими словами, вся коммунистическая партія должна слѣдаться политической полиціей, вся Россія должна превратиться в одну сплошную Чека, гдѣ не может быть и намека на независимую и свободную мысль. Так, отдѣленіе Ч. К. на Александровской ж. д. в Москвѣ предлагало, напр., объявить всѣм рабочим, что о всѣх собраніях они обязаны сообщать заранее в Отдѣл Чека, откуда будут присылаться представители для присутствія на собраніях, а по окончаніи собранія протокол должен быть немедленно доставлен в Ч. К.³⁾.

¹⁾ «Извѣстія», 1-го октября 1919 г.

²⁾ В ней Мясников признавал ошибкой коммунистической власти примѣненіе методов, выработанных в 1918—20 гг. для буржуазіи, к рабочему классу. Мясников в своей психологич. таким образом недалеко ушел от тѣх крошадских матросов, которые в 1919 г., признавая правильным разстрѣл буржуев, протестовали против разстрѣла 6 женщин и матросов.

В своей брошюрѣ попутно Мясников открыл тайну убійства в. кн. Михаила Александровича. «Развѣ вы не знаете — писал он в своей брошюрѣ — что за такой разговор, какой веду я, не одна сотня и тысяча пролетаріев сидит в тюрьмѣ? Если я хожу на волю, то потому, что я коммунист пятнадцать лѣтъ... и ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было, а был бы я просто слесарь-коммунист... то гдѣ бы я был? В Чека или больше того: меня бы «бѣжали», как некогда я бѣжал Михаила Романова, как «бѣжали» Розу Люксембург, Либкнехта».

Среди большевиков есть, кажется, и другой Мясников. Возможно, что автор статьи в «Извѣстіях» и вождь так называемой «рабочей оппозиціи» разные лица.

³⁾ «Дѣло Народа» 28-го февраля 1919 г.

Эти призывы звали не только к доносительству, — они санкціонировали самый ужасающій произвол. Если Кіевскій Рев. Трибунал¹⁾ призывал рабочих, красноармейцев и др. исполнять «великую» миссію и сообщать в слѣдственный отдѣл трибунала (гдѣ бы вы ни были... в городѣ или в деревнѣ, в нѣскольких шагах или за десятки верст — телеграфируйте или лично сообщите... немедленно слѣдователи трибунала придут на мѣсто), то в том же Кіевѣ 19-го іюля 1919 г. губернский комитет обороны разрѣшает населенію «арестовывать всѣх, выступающих против совѣтской власти, брать заложников из числа богатых и в случаѣ контр-революціоннаго выступленія разстрѣливать их; подвергать селенія за сокрытіе оружія военной блокадѣ до сдачи оружія; послѣ срока, когда оружіе сдастся, безнаказанно, производить повальные обыски и разстрѣливать тѣх, у кого будет обнаружено оружіе, налагать контрибуцію, выселять главарей и зачинщиков возстаній, конфисковать их имущество в пользу бѣдности»²⁾.

Нередко можно было встрѣтить в провинціальных совѣтских газетах объявленіе по нижеслѣдующему типу: «Костромская губернская Ч. К. объявляет, что каждый гражданин РСФСР обязан по обнаруженіи... гр. Смородинова, обвиняемого в злостном дезертиствѣ... разстрѣлывать на мѣстѣ».

Один из южных ревкомов в 1918 г. выдал даже мандат на право «на жизнь и смерть контр-революціонера». Какіе-то рабочіе союзы и красногвардейцы в Астрахани в іюнѣ 1918 г. объявляли, что в случаѣ выстрѣла по рабочим и красногвардейцам заложники буржуазіи будут разстрѣляны «в 24 минуты».

¹⁾ Кіевскій «Извѣстія» 24-го іюля 1919 г.

²⁾ «Начало» 19-го іюля 1919 г.